

Juha Räihä

«АРКТИКА — ЭТО СТРАНА БУДУЩЕГО, А НЕ СТРАНА ПОГИБЕЛИ И УЖАСА».

Анализ научно-фантастического романа «Под небом
Арктики» Александра Беляева.

Informaatioteknologian ja viestinnän tiedekunta (ITC)
Venäjän kielen ja kulttuurin maisteriopinnot
Pro gradu - tutkielma
Marraskuu 2019

TIIVISTELMÄ

Juha Räihä: "Arktika – eto strana buduštšego, a ne strana pogibeli i užasa". Analiz nautšno-fantastitšeskogo romana "Pod nebom Arktiki" Aleksandra Beljajeva. / "Arktis on tulevaisuuden, ei kuoleman ja kauhun maa". Aleksandr Beljajevin tieteisromaanin "Pod nebom Arktiki" kirjallisuusanalyysi.

Pro gradu – tutkielma, 62 sivua

Tampereen yliopisto

Venäjän kielen ja kulttuurin maisteriopinnot

Marraskuu 2019

Tutkielmassa paneudutaan niin kutsuttuun Neuvostoliiton arktiseen myyttiin. Arktinen myytti liittyy vahvasti 1930-lukuun ja Stalinin aikakauteen, mutta on varsin vähän tutkittu ilmiö Suomessa. Myytin voidaan sanoa olleen yksi tärkeimmistä, ellei jopa tärkein, poliittinen ja kulttuurinen ilmiö tuon ajan Neuvostoliitossa, sekä olennainen osa 1930-luvun utopiaa.

Arktis oli tärkeässä osassa Neuvostoliiton laajenemispyrkimyksissä, sillä se oli vielä 1930-luvulla käytännössä valloittamaton alue. Myytin avulla paitsi luotiin kuvaa eksoottisesta ja vaarallisesta, mutta valloitettavasta pohjoisesta, myös tuotettiin erilaisia sankaritarinoita, kuten muun muassa myytit lentäjistä, eli "Stalinin haukoista" ja tutkimusmatkoista arktisella alueella. Näistä yksi tunnetuin oli höyrylaiva Tšeljuskinin purjehdus Murmanskista Koillisväylää pitkin vuonna 1934. Tšeljuskin jäi kiinni jäihin, mutta sen miehistö pelastettiin jäiden keskeltä. Arktista myyttiä voi monin osin verrata myöhempään myyttiin avaruudesta, jossa isossa osassa oli tietenkin Juri Gagarin. Arktinen myytti kuitenkin loppui Toisen maailmansodan alkaessa.

Arktinen utopia näkyi paitsi valtiollisessa politiikassa ja sankaritarinoissa, myös aikansa populaarikulttuurissa. Tunnettuja teoksia, joissa Arktis toimii tapahtumien päänäyttämönä, ovat muun muassa elokuva Seitsemän rohkeata (Семеро смелых, 1936) sekä Veniamin Kaverinin seikkailuromaani Kaksi kapteenia (Два капитана), joka ilmestyi arktisen myytin loppuvaiheina vuonna 1940. Tässä tutkielmassa lähestytään arktista myyttiä neuvostoliittolaisen tieteiskirjallisuuden, nauchnaja fantastikan, avulla. Romaani "Pod nebom Arktiki" on erinomainen esimerkki arktisesta myytistä ja analyysissä pyritään selvittämään, kuinka myytin osa-alueet näkyvät itse romaanissa. Arktista myyttiä käsitellään tämän työn ensimmäisessä luvussa. Toisessa luvussa esitellään nauchnaja fantastikan erityispiirteitä ja pyritään tuomaan esille myös eroja länsimaisen ja neuvostoliittolaisen tieteiskirjallisuuden välillä.

Romaanin "Pod nebom Arktiki" kirjoittaja Aleksandr Beljajev oli neuvostoliittolaisen utopististen tieteiskirjallisuuden yksi tärkeimmistä hahmoista 1920-1930-luvuilla, mutta hänen työnsä eivät ole kovin tunnettuja Suomessa. Kuinka tieteiskirjallisuus tarttuu sellaiseen aiheeseen kuin arktinen utopia, on mielenkiintoinen kysymys ja osittain myös tästä syystä tutkielmassa lähestytään Arktista juuri tämän kirjan avulla. Yksi olennaisista näkökulmista arktista aluetta tutkittaessa kirjallisuuden kautta on arktisen alueen kuvaus romaanissa ja siihen perehtyvät tutkimus kertoo myös erilaista tarinaa arktisesta alueesta kuin esimerkiksi politiikan tutkimus tai taloustiede. Myös tässä työssä visuaalisuus ja arktisen alueen representaatiot ovat tärkeässä osassa.

Tutkimus on varsin vahvasti poikkitieteellinen, mutta sen painotus on kulttuurisemiotiikassa ja tilan tutkimuksessa. Analyysissä hyödynnetään tilallisuuden teorioita ja tutustutaan muun muassa Robert T. Tallyn sekä Henry Lefebvren teorioihin. Yksi olennaisimmista tilallisuuden näkökulmista on niin kutsuttu kirjallisen kartografian teoria (literary cartography). Kartat ja kartografia olivat tärkeässä osassa myös 1930-luvun Neuvostoliitossa, ennen kaikkea johtuen Neuvostoliiton vahvasta laajentumisesta. Tästä syystä, käyttäen apuna kirjassa olevia maantieteellisiä ja topografisia elementtejä, yhtenä osana analyysiä pyritään luomaan kirjallinen kartta utopistisesta, neuvostoliittolaisesta Arktiksesta.

Analyysissä romaania tutkitaan kuin muuttuvaa kuvastoa. Romaanissa, kuten myös 1930-luvun Neuvostoliitossa, luonto pyritään voittamaan ja valloittamaan, jonka avulla päästään käsiksi suuriin raaka-ainevarantoihin arktisella alueella. Luonnon voittamisen tematiikka on myös yksi tärkeä osa koko arktista myyttiä. Romaanissa yksi juonen kannalta olennaisimmista tapahtumapaikoista on maan alle Arktikselle rakennettava lomakeskus. Jo ensi kertaa romaania lukiessa nousee esiin kysymys, mitä tämä maan ja ikiroudan alle rakennettu lomakeskus merkitsee, varsinkin 1930-luvun neuvostoutopian kontekstissa? Tätä kysymystä lähestytään yhden 1930-luvun utopistisen rakennusprojektin, Moskovon metron, symboliikkaan perehtyen. Romaanissa esitettyihin arktisen alueen representaatioihin paneudutaan Juri Lotmanin ja Tarton-Moskovon semioottisen koulukunnan teorioiden pohjalta, nojaten erilaisiin binaarioppositioihin, kuten etelä-pohjoinen, lämmin-kylmä jne.

Maan alle rakennettava lomakeskus on paitsi kirjan juonen kannalta, niin myös semioottisesti merkittävä paikka ja työn analyysi tuottaa uuden tavan hahmottaa 1930-luvun arktista diskurssia. Lomakeskuksesta voidaan perustellusti puhua tietynlaisena hybriditilana. Vladimir Papernyn teos Kul'tura Dva on isossa osassa työn analyysissä. Teoksessa Papernyj kuvaa Stalinin ajan kulttuuria siirtymänä horisontaalisesta kulttuurin hahmottamisesta vertikaaliseen. Tässä työssä vertikaalisuus näkyy myös painotuksena lomakeskuksen merkityksen avaamisessa. Maan alla sijaitseva lomakeskus on uusi, utopistinen tila, maan alle helvetin tilalle

rakennettu kommunistinen taivas, jossa arktiselle alueelle olennaiset ilmiöt, kuten kylmä, pimeä ja jää on korvattu keinotekoisilla, lämmittäväillä auringoilla, hiekkarannoilla ja kuumilla lähteillä. Tuosta uudesta tilasta voidaan perustellusti puhua myös uskonnollisena tilana, jossa jumalan tilalla on luontoa voimakkaampi uusi neuvostoihminen, joka on kykenevä ottamaan luonnon voimat haltuunsa ja valjastamaan ne uuden, utopistisen sosialistisen valtion käyttöön, jossa uusi uskonto on kommunismi. Vertikaalisuus näkyy myös siten, että lomakeskuksen kohdalla voidaan puhua myös etelän tuomisesta pohjoiseen eli arktisen alueen lämmittämisestä. Analyysin pohjalta tämä toimii myös metaforana Arktiksen integroitumisessa osaksi Neuvostoliittoa. Lähtökohteisesti, näkökulma on enemmänkin kulttuurintutkimukseen pohjautuva, mutta yhteenveto-osiossa pyritään myös hieman vertailemaan 2010-luvun ja 1930-luvun arktista diskurssia ja siltä pohjalta pohtimaan eri aikausien arktisten diskurssien eroja ja yhtäläisyyksiä.

Avainsanat: arktinen myytti, nauchnaja fantastika, Aleksandr Beljajev, tilan tutkimus, kirjallinen kartografia, kulttuurisemiotiikka.

Tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin OriginalityCheck –ohjelmalla.

Оглавление

Введение.....	1
1. Фоновая глава	4
1.1 Автор и представление романа «Под небом Арктики»	4
1.2 Советская Арктическая утопия.....	6
1.2.1 Определение термина «утопия»	6
1.2.2 Арктика в советском дискурсе.....	7
1.2.3 Арктика в массовой культуре СССР	9
1.2.4 Новые герои и сказания о героях Арктики.....	10
1.2.5 Борьба с природой.....	13
2. Теоретические основы – теория жанра «научная фантастика» и пространственности	15
2.1 Научная фантастика	15
2.1.1 Определение и основные черты жанра «научная фантастика»	16
2.1.2 Краткая история советской научной фантастики	19
2.2 Теория пространства и пространственности.....	22
2.2.1 Семиотика пространства	23
2.2.2 Символика российского пространства.....	25
2.2.3. Арктика как пространство.....	27
2.3 Литературная картография и литературная география	29
3. Аналитическая часть.....	35
3.1. Литературная картография Арктики в романе.....	35
3.2. Арктический миф в романе	39
3.2.1 Представление героев романа.....	39
3.2.2 Черты научной фантастики в романе.....	43
3.2.3 Дискурс «борьба с природой» в романе	47
3.3. Символика Арктики и подземного	48
3.3.1 Символика Арктики в романе.....	49
3.3.2 Подземный курорт и его символика.	52
4. Заключение	59
Список источников	63

Введение

У нас уже давно появился интерес к вопросам, связанным с Арктикой. Особенно нас интересуют отношения России с Арктикой. Нам уже до начала работы над дипломным сочинением была известна политическая и экономическая важность Арктики для России, но мы мало знали о советской арктической истории. В нашей дипломной работе мы хотели подходить к Арктике с других точек зрения, не только с точки зрения политики или экономики.

Нас особенно интересует изображение и визуальность Арктики, то есть, то, как Арктика представлена? Чья история рассказывается через изображения Арктики? Эти вопросы, можно сказать, лично интересны для нас, и они были как бы стартовой платформой для начала нашей работы. Мы хотели именно узнать больше о Советской Арктике 1930-х гг. У нас было бы возможность в этой работе изучать картины, фильмы или плакаты того времени, но мы решали подходить к изображению через литературный текст. Важной целью нашей работы стало рассмотрение того, как Арктика визуально и символически представлена в тексте, выбранном нами для анализа – в романе «Под небом Арктики».

Арктика как тема в литературе и массовой культуре имеет долгие традиции. Арктика стала популярной темой и популярным местом действия в романах уже в 19-ом веке, например через произведения американского писателя Джека Лондона. Но Арктика была действительно популярной темой и местом действия также в продуктах советской массовой культуры позже, особенно в 1930-х годах. Примеры произведений советской массовой культуры с темой Арктики, например, фильм «Семеро смелых» 1936-го года и приключенческий роман «Два капитана» Вениамина Каверина, опубликованный в 1940-ом году.

Часто в литературе Арктика считались не только строгим, холодным и северным местом, а также местом возможностей – утопическим местом. Роман нашего анализа продолжает традицию утопической арктической литературы. Наш материал для анализа – роман «Под небом Арктики» Александра Беляева, опубликован в 1938 году. Жанром романа является научная фантастика, или в терминах, используемых на Западе -- «Science fiction». Безусловно, научная фантастика и её западная версия в многих случаях имеют общие черты, но различия также существуют, особенно в том, что советская научно-фантастическая литература была действительно утопической. Одна важная цель нашей работы – представлять общие черты этого жанра и узнать, как эти черты связаны с советским арктическим мифом.

Советский арктический миф – не очень знакомый феномен на Западе. Арктический миф являлся одним из самых важных явлений культурного и политического миров в Советском Союзе в 1930-х годах. Через роман «Под небом Арктики» мы постараемся объяснить, как советский арктический миф появился в одном продукте массовой культуры 30-х годов. Арктика действительно была важной темой и в литературе и кино того времени, но Арктика и Арктический миф служили примерами политики того времени, и особенно примерами экспансии и индустриализации.

Мы подходим к тематике Арктики с разных точек зрения. Нас интересуют символические значения и визуальные представления Арктики, но также то, как представлено пространство Арктики. В сюжете романа важную роль играет курорт, построенный под землёй. Вопрос о том, что означает это место, является одним из важных, если не главным, вопросом исследования в нашей работе. Другими вопросами исследования являются следующие: как представлена новая, утопическая, советская Арктика и как советский арктический миф появляется в романе?

Перед аналитической частью в работе есть 2 главы. В первой главе представим фоновую информацию о писателе и романе и об истории 30-х годов, прежде всего подчёркивая советский арктический миф как одно из самых главных явлений в эпоху Сталина. В этой работе мы разделили изучение арктического мифа на несколько частей: роль Арктики в политическом дискурсе и массовой культуре СССР, героизм и сказания о героях в Арктике и Арктика как часть дискурса «борьба с природой».

Во второй главе также представляем особенности жанра «научная фантастика». Мы сосредоточимся на особенностях жанра и постараемся ответить на вопросы, как жанр научной фантастики связан с советской утопией 30-х гг. и как он отличается от научно-фантастической литературы Запада? Жанр научной фантастики много исследовался. Мы изучим теории литературных критиков о жанре «научная фантастика», например, Анатолия Бритикова и Фредрика Джеймисона.

Вторая глава более теоретическая и действительно – многосторонняя. Во второй главе также представлен наш подход к анализу романа. Главной для нашего анализа является теория пространства с точки зрения литературоведения с целью создать литературную карту Арктики и раскрыть символические значения нового курорта, который построят под землёй. Важными исследователями пространственности являются Роберт. Т. Талли и Анри Лефевр. Позже в той же главе представим также основные идеи Московско-тартуской семиотической школы и

особенно теории Юрия Лотмана. Через теорию и примеры Лотмана и Эмми Уиддиса, мы подходим к Арктике в романе не только с пространственной точки зрения, но также с точки зрения бинарных оппозиций и исследуем символическое значение Арктики как пространство.

Теория пространства – многообразная и широкая. Одной важной теорией нашей работы является литературная картография. Из истории СССР во время Сталина можно узнать, что карты и картография играли весьма важную роль. Для понимания этого явления мы исследуем теорию литературной картографии и литературной географии. Вообще, в романе пространства Арктики изменялись сильно. У Арктики была уже почти 100 лет назад важная роль в поиске идентичности страны, а, следовательно, и заметное место в массовой культуре. Нам интересно узнать, какое значение придаётся Арктике, и в нашей аналитической части мы постараемся также сравнить дискурс Арктики и в 1920-1930 гг. и в 21-ом веке.

Главным методологическим ключом для анализа мы выбрали теорию пространства, или пространственность. Материал исследования, на наш взгляд, требует определённого подхода к материалу, зависящего от года издания, исторического периода и т.п. Как мы уже отмечали, для сюжета романа одним из важных пунктов является создание нового курорта под землёй. И это порождает один из главных вопросов исследования – какое значение у этого подземного курорта и как можно интерпретировать его, понять, что курорт под землёй символизирует?

Темы, связанные с Арктикой, являются актуальными, потому что Арктика в 21-ом веке – действительно важное место и для мировой политики и экономики. Нам кажется, что, углубляя наше знание и понимание прошлого, мы можем понимать и современные события. Нам кажется, что современная российская арктическая политика уходит своим корнями в историю Советского Союза, в годы создания советского арктического мифа.

1. Фоновая глава

В первой главе мы представим писателя Александра Беляева и постараемся объяснить, что означает и из чего состоит, на наш взгляд, одно из главных явлений советской массовой культуры и политики 1930-х годов: арктический миф. В русских источниках не раз говорят о северном мифе, но во многих источниках отсылают к термину американского историка Джона МакКеннона, арктическому мифу, и поэтому мы также используем этот термин. Роман «Под небом Арктики» был опубликован в 1938-ом году, во времена утверждения арктического мифа и поэтому, на наш взгляд, важно также узнать и определить главные принципы явления арктического мифа и эпохи 1930-х гг.

Функция этой главы – представить фон для понимания огромной важности Арктики и в политическом дискурсе и как темы массовой культуры 1920-1930-х гг. В первом разделе главы мы представим писателя Александра Беляева и его роман «Под небом Арктики». Во втором разделе мы коротко представим главные черты утопии, являющейся фундаментальной частью, особенно политического дискурса 30-х годов и первых лет Советского Союза. Утопия является также важным термином для понимания арктического мифа. В последующих разделах мы постараемся представить, что такое Советский арктический миф и из чего он состоит?

1.1 Автор и представление романа «Под небом Арктики»

Писатель Александр Романович Беляев родился в городе Смоленске 4.6.1884-го года и умер в Пушкине 6.1.1942-ом году. По профессии он был юристом, но он работал в разных других профессиональных сферах, например, в детском доме до начала литературной карьеры. (Краткая литературная энциклопедия 2019: www.)

Главный жанром Беляева была научная фантастика, и в этом жанре Беляев был одним из самых популярных писателей. Подробнее и более детально литературный жанр «научная фантастика» мы будем обсуждать во второй главе нашей работы, но, когда говорим об Александре Беляеве, важно отметить и подчеркнуть его роль как новатора жанра и его влияние в научно-фантастической литературе. Можно сказать, что он является одним из канонических авторов, если не эпохи литературы 1920-1930-х гг., то классиком в этом жанре точно. Как литературовед и критик Анатолий Бритиков заявляет, Беляева можно назвать «советским Жюлем Верном» (Бритиков 1976: www.).

Профессиональную литературную карьеру Беляев начинал в середине 1920-х гг. Беляев был плодовитым писателем, и он написал 22 романа и более 50 рассказов во время своей карьеры. Первым произведением Беляева был роман «Голова профессора Доуэля», опубликованный в 1925-ом году. (Fantlab, [www.](http://www.fantlab.ru)) Другие известные произведения Беляева, например, «Остров погибших кораблей» (1926-1927), «Человек-амфибия» (1928) и «Ариэль» (1941).

Хотя может быть романы «Человек-Амфибия» и «Голова профессора Доуэля» – более известны, чем роман «Под небом Арктики», важно отмечать, последующие произведения Беляева, например, в «Звезда КЭЦ» (1936), «Лаборатория Дубльвэ» (1938) и «Под небом Арктики» (1938) интересным образом отличаются от предыдущих романов 1920-1930-х гг. Согласно Бритикову, именно в этих романах Беляева важную роль играли темы и идеи коммунистического будущего, то есть темы, не встречающиеся в романах 1920-х гг. (Бритиков 2005а, глава «Поиски и потери», [www.](http://www.britikov.ru)). О последних годах жизни Беляева мы знаем, что он сильно болел и был прикован болезнью к постели и умер во время блокады Ленинграда (Бритиков 1976, [www.](http://www.britikov.ru)).

Беляев сильно интересовался техникой и наукой, и этот интерес также играет важную роль в романе «Под небом Арктики» (Бритиков 2005а, глава «Время «Аэлиты»). Там существует черты, характерные для научно-фантастической литературы, например, новые изобретения и научное развитие. Как многие другие романы и рассказы Беляева, «Под небом Арктики» был опубликован не в книжной форме, а в периодическом научном журнале «В бой за технику!» в 1938-ом году (Frank 2010: 109).

Роман – отличный пример жанра «научная фантастика», хотя, на наш взгляд, его можно назвать приключенческим романом или даже путевым очерком¹. Главные герои романа – американский рабочий Джим Джолли, переехавший, чтобы найти работу в СССР, инженер Игнат Бугаев, с которым американец Джим знакомится в начале романа, и инженер-геолог Вера Колосова. Игнат Бугаев берёт Джим Джолли с собой в путешествие на Крайний север, в Арктику, являющуюся последней белой точкой на карте СССР.

Они работают в важном проекте: трансформирования Арктики для заселения. В романе Арктика – место для реконструкции нового коммунистического общества для нового советского человека. Важную роль в романе играет изменение природы. Цель экспедиции и проекта на Севере – трансформировать холод, лёд и снег в тёплое, новое пространство для эксплуатации

¹ На английском говорят о "Travel literature".

сырья и создания нового города для заселения и наконец, для создания курорта, находящегося под землёй. Арктическое пространство – трансформируется в юг.

Все изменения природы и пространства Арктики будут возможными с помощью технического и промышленного развития. Также климат Арктики меняется, и силы природы «работают» на человека (например, использование льда в качестве стройматериала). В Арктике строится новый мир, и новый мир построен новыми людьми, новыми героями Советского Союза.

1.2 Советская Арктическая утопия

На наш взгляд, мы не сможем отделить арктический миф от романа «Под небом Арктики». Такие черты, которые были важны для советского Арктического мифа, также существуют в романе нашего анализа. Утопия была основной частью государственной политики и арктического мифа в 30-х годах и поэтому мы начнем с объяснения главных принципов утопии. В последующих разделах главы мы более детально будем обсуждать и представлять главные черты советского арктического мифа.

1.2.1 Определение термина «утопия»

Термин «утопия» связан именно с политическим дискурсом или политическими системами, например, у разных политических направлений есть разная идея об идеальном обществе, но утопия также связана с литературой. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» определение утопии следующее:

«Греч. *U* — нет; *Toros* — место, т.е. место, которого нет.; иное объяснение: *eu* — благо и *Toros* — место, т.е. благословенное место. — Литературный жанр, в основе которого — изображение несуществующего идеального общества.»
(Литературная Энциклопедия терминов и понятий 2001: 1117)

Первое прямое упоминание утопии в литературе – с 1516-го года, из романа «Золотая книга, как приятная, так и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», или просто «Утопия» англичанина Томаса Мора. В книге рассказывается о новом идеальном, хотя нереальном обществе. (Краткая литературная энциклопедия, www.)

Другое известное произведение об утопии, к которому не раз ссылаются во многих источниках об арктическом мифе – произведение «Город солнца» итальянского писателя Томмазо Кампанеллы, опубликовано первый раз в 1602-ом году. В источниках, именно связанных с темой

советской Арктики, о так называемом «городе солнца» говорят не раз. У солнца не только в романе «Под небом Арктики», но и в советском утопическом дискурсе 1930-х годов было многоаспектное значение.

Роль солнца – действительно заметна. Хотя в Краткой литературной энциклопедии говорят, что у Кампанеллы были коммунистические идеи, именно связанные с трудом, нам кажется, что такие интерпретации делали позже, во время СССР. На самом деле, можно сделать вывод о том, что идея о «городе солнца» – как будто заимствована из романа Кампанеллы. Для дискурса 1920-1930-х гг. такой термин был подходящим и, на наш взгляд, он продолжается в советском дискурсе. Поэтому его использовали довольно много. Можно сказать, что, хотя произведение и идеи Кампанеллы были коммунистическими, они не прямо влияли на дискурс 1930-х годов, но всё-таки, такое совпадение действительно интересное. Один пример о роли солнца в советской литературе 30-х г., напр. поэма «Челюскиниана» (1937-1938) Ильи Сельвинского с 1937-1938-х гг. (См., например, Франк 2011).

У утопии важная роль и в политическом дискурсе. В общественной мысли у утопии, например, следующие черты:

«Утопия как одна из своеобразных форм обществ. сознания традиционно воплощала в себе такие черты, как осмысливание социального идеала, критику существующего строя, а также попытки предвосхитить будущее общества.»
(Akademik.ru, Словари и энциклопедии на Академикe)

То есть, утопия – что-то идеальное, но это также никогда не возможное, хотя, как будем мы показывать, были также примеры в 30-х годах, когда утопия стала «живой». Об этом говорит, например, Владимир Паперный в книге «Культура-2» (см. Паперный 2006). В следующем разделе главы мы рассмотрим, что такое арктический миф и из чего он состоит?

1.2.2 Арктика в советском дискурсе

В начале мы постараемся объяснить, что значит арктический миф с точки зрения политического проекта. На наш взгляд, советский арктический миф не так известен на Западе, хотя об этом много написано, например, в произведении «Red Arctic» Джона МакКеннона. В этом разделе мы сосредоточимся на политическом аспекте арктического мифа, хотя стоит подчеркнуть, что, на наш взгляд, в продуктах массовой культуре поддерживали арктический миф в целях пропаганды.

Миф существовал в 1930-х гг. (McCannon 1998: 9), но к арктическому мифу вернулись позже, например, в советском кино в 1970-х гг. и также в политическом дискурсе XXI-ого века (см. напр. Sarkisova 2015 & Hønneland 2016). Как нам кажется, арктический миф по популярности и важности можно сравнить с мифами о Великой Отечественной войне и позже с мифом о Космосе и Юрии Гагарине. Все они были важными проектами с пропагандистской точки зрения и также играли важную роль в политике и в продуктах массовой культуры, хотя стоит подчеркнуть, что арктический миф существовал только в 1930-е гг. Всё-таки, на наш взгляд, общие тенденции существуют.

Согласно Хённеланду, только в первые годы Советского Союза Арктика стала вызывать политический и экономический интерес правительства, начиная с 1920-го года. Одной частью мифа был проект «освоения Севера», запущенный правительством в 1930-х годах. Этот проект содержал, например, научное исследование и проекты экспедиций в Арктику с целями заселения Арктики и основания новых городов. Освоение Арктики было и военным проектом, и проектом политики безопасности. (Hønneland 2016: 33-35.)

Кроме того, очень существенным моментом был ввод в эксплуатацию сырья. Кроме вышеназванного, важно было сделать Арктику органической частью Советского Союза и, можно сказать, колонизировать её. Интерес и цели овладения Арктикой и ее ресурсами стали важными во время Первой Пятилетки, принятой в 1928-ом году. Под руководством Сталина при помощи этого проекта стремились индустриализировать не только Арктику, а также всю страну. (McCannon 1998: 29-30.)

Важно упоминать, что Арктика как политический и государственный проект была важен не только для СССР. Арктика была фактически последней белой точкой на карте мира и из разных стран делали научные экспедиции на Крайний Север (Frank 2010: 106). Но на наш взгляд, Арктика в Советском Союзе имела иное значение. Как МакКеннон замечает, для Советского Союза Арктика была «мифическое пространство, прежде всего, страна героев» (перевод наш – Ю.Р.) (McCannon 2003: 254). Нам кажется, Арктика была как будто утопическое пространство, новая советская утопическая земля, где индустриализация и технологическое развитие были, можно сказать, стройматериалами утопии. Как эти политические стремления, связанные с Арктикой, появились и представлялись в продуктах массовой культуры СССР, рассмотрим ниже.

1.2.3 Арктика в массовой культуре СССР

Арктический миф был не только политическим проектом, а также Арктика была важной темой в продуктах массовой культуры в 1920-1930-х гг., хотя стоит подчеркнуть, что это работало в обоих направлениях. Арктический миф и его стремления были представлены в массовой культуре, то есть арктический миф стал известным для широкой публики именно через произведения массовой культуры.

Вначале нам нужно подчеркнуть, что арктический миф действовал в продуктах массовой культуры по правилам социалистического реализма. Все виды искусства: и кино, и литература, и живопись были под влиянием социалистического реализма, и они должны были следовать, например, таким правилам, как «воспевать героину трудовых будней, изображать сцены единения народа и вызывающих к нему партийных ораторов, воплощать светлую мечту о будущем» (Dic.academic.ru, Словари и энциклопедии на Академике, www). То есть, социалистический реализм – это *«творческий метод литературы и искусства, представляющий собой эстетическое выражение социалистически осознанной концепции мира и человека»*, которым *«служит также революционно-действенный социалистический гуманизм, что составляет важнейшую и универсальную отличительную особенность социалистического реализма»* (Курсив наш – Ю.Р.) (Dic.academic.ru, Словари и энциклопедии на Академике, www). Подробнее о том, как эти правила появляются в литературе, будем представлять в аналитической части.

Во многих источниках говорят о так называемом «советском фольклоре». Согласно Стайтсу и Гельдерну, культура социалистического реализма была «извилистый компромисс между старыми мастерами, народной культурой и идеологией» (Перевод наш – Ю.Р.) (Geldern & Stites 1995: 67). У Баркер есть также другие мнения, связанные с массовой культурой. Когда говорят о советской массовой культуре, важно упоминать, что её корни уходят в годы революции. В первые годы после революции целью являлась создать культуру для народа, в большом масштабе. Баркер говорит о том, что массовая культура была создана элитой для пролетариата, с целью «просвещать» народ. (Barker 1999: 22-23.) Продукты массовой культуры были поставлены государством, или точнее сказать, это было именно идеология государства, которая была представлена в массовой культуре (Barker 1999: 7).

Арктика как место действия была важной темой в массовой культуре 1930-х гг., и события в произведениях массовой культуры во многих случаях происходили во время арктических

экспедиций и изображали героев Арктики. Об этом мы будем говорить подробнее в следующем разделе. Достижения в Арктике были очевидные, например, плавание по Северному морскому пути и полёты через Северный полюс, а лётчики и полярники-зимовщики арктических экспедиций считались героями. Например, после удачной операции спасения экипажа «Челюскина», спасённые участники экспедиции посещали разные города и колхозы по пути обратно в Москву, и в Москве в их честь организован парад, как через 20 с лишним лет в честь Юрия Гагарина. (Турков 2017: 38.)

Важным и новым элементом в массовой культуре во времена Сталина было кино, которое ему очень нравилось. Некоторые фильмы, посвященные теме Арктики, были чрезвычайно популярны среди зрителей. Один из самых известных фильмов об Арктике -- «Семеро смелых» (1936). Фильм рассказывает об экспедиции шести мужчин и одной женщины в Арктику. Существенно в арктических фильмах, конечно, то, что они содержат в себе основные черты арктического мифа: энтузиазм к арктическим экспедициям, покорение нового пространства и построение новых городов на Севере (как например, в фильме «Комсомольск», 1938) и конечно, самым главным были новые герои, покорявшие природу. Также, важную роль в арктических фильмах играла современная технология, именно пароходы и самолёты, покоряющие силы природы. (Bugaeva 2015: 311 & 314 - 315 & Sarkisova 2015: 231.)

Интересное наблюдение именно в арктических фильмах то, что в сфере кино Арктика стала важной темой снова в 1970-е годы. В изображении Арктики между 1930-ми и 1970-ми годами есть много общего, но разницы также существуют. Согласно Бугаевой, в 1930-е годы Арктика и север были представлены как «опасное и загадочное пространство», но в 1970-е годы важную роль играет трансформирование Арктики, чтобы сделать её «более комфортабельной для жизни» (Бугаева 2018, www), хотя стоит отметить, что, на наш взгляд, такая тенденция трансформации существовала уже в 1930-х годах.

В следующем разделе мы будем обсуждать, какими были герои арктического мифа и какова была их роль в массовой культуре.

1.2.4 Новые герои и сказания о героях Арктики

Мы уже говорили о советском фольклоре и о том, что во время Сталина массовая культура была прямо поставлена народу (Barker 1999: 24-25). Баркер также говорит о том, что именно в 30-х гг. главной функцией продуктов массовой культуры являлись «контроль и

социализация» (Перевод наш – Ю.Р.) (Barker 1999: 25). Как мы понимаем, дело в том, что темы, существующие в продуктах массовой культуры, служат государственным целям. Хороший пример этого – кино или книги об арктических экспедициях и героях Арктики.

Между дискурсами 1920-1930-х гг. есть большая разница. После революции интерес и стремление к технологическому развитию играла большую роль в политике и пропаганде СССР. Согласно МакКеннону, одной из главных черт культуры социалистического реализма и дискурса в 1930-х гг. было то, что центр интереса сместился с машин и технологий на людей, которые создают технологии и делают покорение Арктики возможным (McCannon 1998: 98).

В Сталинской пропаганде особо большую роль играли лётчики. Как МакКеннон говорит, авиация являлась, может быть, самым хорошим примером современности в 20-ом веке (McCannon 1998: 9). Сказаний о героях-лётчиках были много, но самые известными из героев были Валерий Чкалов, неоднократно перелетавший беспосадочно через Северный Полюс из Москвы в Америку в 1936-ом и 1937-ом годах (этот маршрут был назван «Сталинским маршрутом» (Козлова 2010: 4)) и Михаил Громов, через несколько недель после Чкалова перелетавший из СССР в Калифорнию в 1937-ом году (McCannon 1997: 346). Согласно Козловой, в «советском фольклоре» главные черты были тексты о партийных лидерах, бойцах Красной Армии и представителях «героических профессий». Особенно лётчики были представителями этих героических профессии, но также полярники-зимовщики и капитаны ледоколов. Говоря о лётчиках, часто употребляются термин «сталинские соколы». (Козлова 2010: 1-2.)

У лётчиков было также другое важное задание. Они были, можно сказать, пионеры Севера и помогали другим деятелям Севера, полярникам-зимовщикам, например проверяющим ситуацию со льдом на севере. Важную роль в советской пропаганде играли также геологи, но, когда говорим об Арктике, нельзя забывать историю пароходов и их достижения. Самыми известными ледоколами и научными экспедициями были ледокольные пароходы «Сибиряков» и «Челюскин». История ледокола «Сибиряков» с точки зрения арктического мифа важна из-за того, что «Сибиряков» был первым пароходом, прошедшим по Северному морскому пути из Архангельска в Берингов пролив за одну навигацию в 1932-ом году. (McCannon 1998: 4 & Бугаева 2018, www.)

История «Челюскина» грустнее чем «Сибирякова», но она интересна, поскольку она сильно соотносится с мифом о «сталинских соколах». Через год после «Сибирякова», «Челюскин» начинал путь из Мурманска также через Северный морской путь, но затонул в Чукотском море

Дальнем Востоке СССР. Несмотря на грустную историю, в пропаганде неудачная экспедиция «Челюскина» была представлена, можно сказать, в героическом стиле. Весь экипаж парохода был спасён лётчиками. Интересно в истории «Челюскина» то, как Бугаева также отмечает, что, несмотря на трагическую аварию, она стала важным сказанием о героях. То есть, и удачные и неудачные истории содержали и даже подтверждали арктический миф и героизм, и право Советского Союза владеть Арктикой. (Бугаева 2018, [www.](#)) Козлова также подчёркивает важность лётчиков в спасении экипажа: «В истории с «Челюскиным» лётчики совершают героический поступок – спасают граждан своей страны, то есть свой народ, от неминуемой смерти, что роднит их с эпическими богатырями» (Козлова 2010: 3).

1937-ой год был одним из самых успешных в истории Советской Арктики. Впервые в истории приземлился (советский) самолёт на Северный полюс. С точки зрения покорения Арктики важно также принять во внимание историю первой полярной дрейфующей научно-исследовательской станции на Северный полюс, «Северный полюс-1», которая плавала от Северного полюса до Гренландского моря в течение 274 дней. У этой экспедиции была также другая задача. Одной из целей этой экспедиции была узнать больше об условиях Северного полюса для будущих полётов из СССР в Америку и о погодных условиях для того, чтобы получить больше знания для будущего развития грузового сообщения на Северном морском пути. Янгс говорит, что в этой экспедиции действительно получили много знания об условиях в Севере, но особенно результаты «Северного полюса-1» показали силу и уровень советской науки. (Youngs 2010: 134-136.)

МакКеннон говорит, что не было бы арктического мифа без Сталина и согласно ему, арктический миф воплощается в Сталине. Хотя и лётчики, и полярники-зимовщики были основной частью сталинской массовой культуры, самой яркой звездой блеснул Сталин. МакКеннон также говорит в своей статье о «пирамидальной, патриархальной семье» советского общества, где в арктическом мифе Сталин является символическим отцом всех полярников-зимовщиков и лётчиков и всех советских героев, и, в конце концов «Отцом народов» (Перевод наш – Ю.Р.). (McCannon 2003: 248.) Согласно ученому, именно из-за Сталина все полярные экспедиции и завоевания были возможными. В широком смысле, как Сузи К. Франк пишет, культура Сталина изображает себя «реализацией утопии» (Перевод наш – Ю.Р.) (Frank 2010: 119). На самом деле, стоит отметить, что такая тенденция существовала во всех огромных проектах во время Сталина, например, больших строительных работ каналов и гидроэлектростанций.

Всё-таки, хотя Сталин играл важную роль, нельзя забывать других героев Арктики. Такими являлись не только челюскинцы и лётчики, как Валерий Чкалов, но и полярники-зимовщики и главные деятели экспедиций, например, Иван Папанин и Отто Юльевич Шмидт (McCannon 1998: 73). Их сделали героями, но они были действительно популярными. Сказания о героях, или как МакКеннон также говорит, знаменитостях Арктики, были основной частью сталинской массовой культуры в 1930-х гг. (McCannon 1997: 347).

Мы уже немного говорили о важности лётчиков как части арктического мифа. Действительно, все деятели в арктических проектах считались героями и все действия в Арктике героическими в официальном дискурсе и также в продуктах массовой культуры. У героев была другая задача, связанная с официальными целями государственной политики 30-х гг.: изменение природы, или так называемая «борьба с природой».

1.2.5 Борьба с природой

Как отмечено выше, важной частью арктического мифа была покорение и освоение Арктики и природы. Арктика, как природа вообще, была представлена опасным местом и даже врагом в 1920-1930-х гг., но освоение её было возможным советскими людьми.

Во времена Сталина и Первой пятилетки был исполнен Сталинский план преобразования природы, и враждебное отношение к природе было одной важной частью этого. По Винеру, природа считалась «препятствием для социалистического строительства и её можно было завоевывать» (Перевод наш – Ю.Р.). (Weiner 1988, 168-169.) Можно сказать, что преобразование природы была важным для заселения севера. Хороший пример о целях заселения новых регионов – цитата из речи Сталина на собрании актива Московской организации ВКП в 1928-ом году: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики» (см. Weiner 1988: 168 & www.bibliotekar.ru, www). Отношение к природе было таким враждебным в 1930-х гг., на наш взгляд, в частности потому, что именно во время пятилеток, когда рост экономики был быстрым (или было обязательно, чтобы рост был быстрым), и развитие тяжёлой промышленности было одной из важнейших государственных целей, для этого нужно было больше сырья.

Согласно МакКеннону, огромное количество сырья находилось в Арктике, пока не найденным, но готовым для эксплуатации. Однако, важно обратить внимание на то, что дискурс «враждебной природы» касался не только Арктики. Во время первой пятилетки огромные

проекты для развития промышленности начинались и совершались по всему Советскому Союзу. Гидроэлектростанции и огромные шахты были основаны и также новые железные дороги построены в течение первой пятилетки. То есть, как выше было отмечено, «борьба с природой» было явлением, связанным не только с Арктикой, а с природой вообще. (McCannon 1998: 4 & 83.). Также эти проекты считались героическими и у них было важное задание с точки зрения пропаганды. На враждебном отношении к природе в литературе мы будем больше сосредоточиваться в нашей аналитической части. Всё-таки, нужно обратить внимание на то, что такая тенденция существует не только в советской литературе. О борьбе с природой и победе над ней в литературе говорят, например, в статьях Штильмарк и Франка (см. напр. Штильмарк 1992 & Frank 2010).

Во многих источниках упоминают, что дискурс, связанный с природой и Арктикой, был даже военным. Например, как Бугаева пишет, Арктика, являясь «полем боя с природой, врагом, которым будет побежден» (Перевод наш – Ю.Р.) (Bugaeva 2015: 314). Она являлась сильным, даже жестоким пространством, но также землёй огромных возможностей, которую возможно изменить и завоевать. Арктика являлась землёй героев, или как Любовь Бугаева написала, «собственно именно борьба с Севером-врагом и даёт возможность проявить героизм» (Бугаева 2018, www).

То есть, арктический миф был амбивалентным, но действительно важным явлением в разных сферах Советского общества в 1930-х гг. Как МакКеннон также отмечает, миф был чрезвычайно популярным особенно среди молодёжи, и фильмы об Арктике как будто заменяли путешествие в экзотические места, которые тогда не было бы возможным посещать обычным людям (McCannon 2003: 241 & Sarkisova 2015: 225).

Заметно в Арктическом мифе то, что, хотя период мифа не длился долго, его влияние было сильным. Миф был создан правительством и социалистическим реализмом и интересно для этой эпохи то, что, на наш взгляд, в некоторой степени миф и его утопические достижения в реальности появились. Миф Великой Отечественной войны и позже миф о Космосе вытесняли арктический миф. Одним из главных инструментов сохранения мифа и достижений 30-х годов был литературный жанр научной фантастики. Об этом мы будем говорить потом в следующей главе.

2. Теоретические основы – теория жанра «научная фантастика» и пространственности

Во второй главе мы обратим внимание на жанр *научная фантастика* и теорию пространства. В первой части обсуждаем особенности жанра *научная фантастика* особенно в Советском Союзе. Во втором разделе этой главы сосредоточимся на теории пространства. Теория пространства (или пространственность) – широкое и междисциплинарное направление науки. В этой части обратим внимание на такие термины, как литературная картография и литературная география. Также исследуем бинарность российской культуры, что имеет идею пространства в российской культуре и коротко объясним, какое историческое понятие пространства и какие значения передует пространство?

2.1 Научная фантастика

Жанр научная фантастика исследовался довольно интенсивно учеными разных стран. На наш взгляд, советская научно-фантастическая литература также в Финляндии – весьма известна, но нам кажется, что произведения научно-фантастической литературы именно начала 20-ого века – не так знакомы. История советской научно-фантастической литературы – многообразная, и в этой работе мы можем обсуждать только маленькую часть этого жанра, сосредоточиваясь на литературе 1920-1930-х гг.

На западе часто, говоря о научно-фантастической литературе, используют термин “Science fiction”. У советской и западной научной фантастики есть много общего, но и большие различия существуют. Эти различия мы будем представлять ниже. Также в первом разделе этой главы мы будем обращать внимание на историческое развитие жанра и основные черты советской научно-фантастической литературы.

У научно-фантастической литературы была важную роль в массовой культуре 1920-1930-х гг. Произведения того времени можно считать пропагандистскими, но всё-таки, научная фантастика была одним из самых популярных жанров литературы того времени. До этой работы, мы также не так много знали об этом жанре. Мы хотели узнать больше о том, какими являются основные черты этого жанра и как советская научно-фантастическая литература отличается от западной версии? Эти вопросы будем обсуждать впоследствии. В дальнейшем используем аббревиатуру н.ф. вместо научной фантастики.

2.1.1 Определение и основные черты жанра «научная фантастика»

В этом разделе мы объясним главные черты н.ф. Прежде всего, мы сосредоточимся на особенностях советской н.ф. литературы, но постараемся также найти общие черты западной и советской н.ф. Для нас жанр н.ф. – уже немного знакомый, и мы с детства читали произведения н.ф. Можно сказать, что у н.ф. литературы есть такие общие черты, повторяющиеся в произведениях жанра в разных странах и культурах, как например научное и технологическое развитие. Как покажем ниже, нередко действие происходит именно в будущем, утопическом, или антиутопическом. Н.ф. особенно в Советском Союзе была действительно утопическим и политизированным жанром литературы, хотя такие тенденции существовали также на Западе, как Анатолий Бритиков заметил: «В России, как и на Западе, н.ф. в первоначальной форме существовала в «синкретизме» с социальной утопией» (Бритиков 2005а. Глава «Страницы предыстории», www). Здесь стоит отметить, что Бритиков являлся одним из самых важных исследователей советской н.ф. Другие известные исследователи н.ф., например, Маттиас Шварц и Дарко Сувин.

Точное определение жанра – довольно трудная задача, хотя все же можно говорить об оригинальном жанре, со своими особенностями, отличающимся от других жанров. Другие отличительные признаки н.ф. кроме утопии – изображение будущего, технологическое развитие и интерес к нему и приключенческий дискурс жанра. Эти основные черты мы будем рассмотреть позже в этом разделе. Перед этим, коротко рассмотрим особенности советской н.ф.

Как все виды искусства, литература в СССР находилась под влиянием правил социалистического реализма, который сильно влиял на все жанры литературы, особенно с точки зрения тем и стиля (см. также с.10.). Термин н.ф. впервые появился в СССР в номере журнала «Всемирный следопыт» в 1925-ом году в представлении рассказа «Голова профессора Доуэля» Александра Беляева. В 1920-х гг. вместо н.ф. был использован термин «фантастика», но у фантастики тогда было совсем другое значение. Этот термин связан, согласно литературным критикам того времени, с капитализмом и кошмарными событиями. То есть, был изобретён термин н.ф. с новым значением. Для использования термина н.ф. важно было то, что действия в романах соответствуют «научным стандартам» (Перевод наш – Ю.Р.) (Schwartz 2013: 234-235.)

Согласно Шварцу, термин н.ф. состоит из следующих частей: политической, социальной и культурной. Политическая часть означает, что термин был создан во время Первой пятилетки и можно сказать для того, чтобы обслуживать в то время действующие задачи, например,

электрификация и индустриализация страны. Социальная часть намекает на популярность приключенческих произведений в 1920-х годах и культурная часть -- на культурную революцию во времена Сталина. (Schwartz 2013: 245.) Как отмечено выше, основные черты н.ф. литературы вообще – представление будущего, интерес к технологиям и приключенческий дискурс. Эти черты мы рассмотрим сейчас.

Представление будущего – общий знаменатель н.ф. литературы, но важно отметить, что может быть самое большое различие между западной и российской н.ф. состоит именно в том, представляется ли будущее положительным, то есть утопическим, или отрицательным, антиутопическим. На наш взгляд, вопрос о роли будущего в произведениях н.ф. и особенно его отношения с прошлым и также настоящим – ключевой вопрос утопической литературы, и поэтому мы начнём с этой темы. Мы подходим к проблематике будущего с помощью статьи американского литературного критика Фредрика Джеймисона.

Стремление и цель н.ф. литературы – представлять прогресс, который приводит наконец к (хорошему или плохому) будущему. Также, как Джеймисон пишет, роль н.ф. литературы – подготовить людей к возможному будущему, к научному прогрессу (Джеймисон 2006: 38). Но возникает вопрос, какая роль у настоящего или прошлого по отношению к будущему? Здесь важно понимать, что будущее – всегда создано в настоящем, или как Джеймисон пишет, «утопическое будущее (...), оказалось всего лишь будущим одного из моментов нашего собственного прошлого» (Там же: 38-39). Представление будущего на самом деле, отстраняет и реструктурирует «опыт нашего собственного настоящего» (Там же: 39). Другими словами, роль будущего в произведениях н.ф. – трансформировать настоящее как будущее пока не существующего, и наконец трансформировать настоящее в историю (Там же: 40 & 41). Подробнее будем обсуждать эту тему в аналитической части.

Нам кажется, что особенно в советском контексте утопия и научно-технический прогресс идут рядом друг с другом. Можно сказать, что интерес жанра к научно-техническому прогрессу уходит своим корнями в историю, и н.ф. возникла во всем мире именно во время индустриализации. Поэтому среди писателей выросло стремление представлять будущее мира, или как Краткая литературная энциклопедия говорит, «судьбу человечества» (КЛЕ, www). То есть, без научного и технического развития не было бы н.ф. Основными целями н.ф. являются показать прежде всего, как пишет Бритиков, «взаимодействие научно-технического прогресса с человеком» (Бритиков 2005а. Введение, www).

В 1920-х гг. основную роль в произведениях советской н.ф. играло научное развитие вообще и новые герои. По Шварцу, важно было то, что рассказы должны были быть чем-то «правдоподобным» (Перевод наш – Ю.Р.), с чем советские читатели могли бы отождествлять себя (Schwartz 2013: 240). Согласно Стайтсу, волна утопических произведений в Советском Союзе появилась только в 1930-х гг. Наоборот, большинство произведений н.ф. до 1930-х гг. были действительно антиутопическими, как и на Западе. Здесь существует разница между советской н.ф. и западной *science fiction*.

И в СССР, и на Западе основными чертами н.ф. являлись интерес к развитию технологии и приключениям, но самая очевидная разница между Западом и СССР проявляется в том, что представления будущего в н.ф. в СССР были весьма идеологическими и, конечно, социалистическими или утопическими. (Stites 1991: 172-173.). Стайтс говорит о «советских утопиях», темах, повторяющих в литературе 30-х гг., и содержащих в себе «мир, богатство, распределение, сотрудничество, интеграцию, альтруизм, неотчуждение и сообщество²» (Перевод наш – Ю.Р.) (Там же: 183). Особенно в 1920-х гг. у н.ф. была также важная роль в поддержании «эйфории годов революций» (Перевод наш – Ю.Р.) (Там же: 171).

По Ковтун, н.ф. литературу возможно разделить на «научно-техническую» и «социально-философскую» литературу. Согласно ей, научно-техническая литература связана, конечно, с технологическим развитием и новыми изобретениями, а в социально-философской литературе большую роль играет развитие гуманизма. Также понятия утопии и антиутопии связаны именно с социально-философской литературой, хотя нам кажется, что в советской н.ф. разницы между двумя определениями – не так ясные. (Ковтун 2017, www.kovtun.ru.) У Анатолия Бритикова в книге есть интересная цитата Александра Беляева из его доклада «Создадим советскую научную фантастику» 1938-го года о целях научно-фантастического произведения:

«Лучшим научно-фантастическим произведением должно быть признано то, - писал Беляев, - которое бросает в мир новую плодотворную идею», и, таким образом, способствует появлению нового изобретателя, нового учёного»
(Бритиков 2005b. Глава «Общая специфика научно-фантастической литературы: рассуждения и мнения, предварительные замечания». www.britikov.ru)

То есть, такое разделение между научно-техническим и социально-философским поджанрами, если так можно назвать термины Ковтун, на наш взгляд, не даёт полного представления о

² Soviet Utopias are lands of peace, affluence, sharing, cooperation, integration, altruism, non-alienation, and community (---). (Stites 1991: 183).

советской н.ф. Нам кажется, что наука и технология, философия и социальное развитие в контексте советской н.ф. литературы перекрываются. В советском н.ф. технологическое и социальное развитие (как утопия и научно-технический прогресс) во многих случаях идут рядом друг с другом. С помощью технологий человек станет лучше и умнее, и умный человек делает новые, более развитые машины, с помощью которых возможно, например, летать и искать новые места, или, можно сказать, строить утопию.

Как и в западной н.ф., в 1920-х гг. у н.ф. была даже колониальные черты, связанные, например, с действиями, происходящими не в Европе, а среди экзотических культур, в «опасной пустыне», как Шварц пишет (Перевод наш – Ю.Р.). (Schwartz 2013: 224.) Но как мы постарались представить, на наш взгляд, особенно советская н.ф. – весьма утопическая и таким способом отличается от западной версии, особенно в литературе 1920-1930-х гг., но более детально о развитии жанра в СССР будем писать в следующем разделе главы.

2.1.2 Краткая история советской научной фантастики

Одно из первых упоминаний термина н.ф в Советском Союзе появлялось в сочинении «Генеалогическое дерево Уэллса» Евгения Замятина в 1922-ом году следующим образом: (Schwartz 2013: 233).

«Научная фантастика, естественно, могла войти в область художественной литературы только в течение последних десятилетий, когда перед наукой и техникой, действительно, открылись возможности фантастические.» (Замятин, [www](#)).

Хотя золотое время научной фантастики помещается в 1920-1930-х гг., у утопической литературы в России – долгие традиции, восходящие к XIX веку. Один пример – литературная классика «Что делать» Николая Чернышевского (1863), представляющего идеальное, социалистическое общество (Бритиков 2005а. Глава «Страницы предыстории», [www](#)). Другой важный роман именно для развития н.ф. и в период до революции в литературе России и Советского Союза – роман «Красная звезда» Александра Богданова, опубликованный в 1908-ом году. В романе представлено коммунистическое (и утопическое) общество на Марсе (Suvin 1971: 145).

Согласно Стайтсу, именно революция была «стартовая платформа для научной фантастики» (Перевод наш – Ю.Р.). Безусловно, многие темы, важнейшие для нового правительства СССР, были также важными темами н.ф. литературы. Такими были, например, как отмечено в предыдущем разделе, энтузиазм к науке, или как Стайтс пишет, «культ машин» (Перевод наш –

Ю.Р.), и стремление электрификации всего Советского Союза, на забывая авиацию, которая по Стайтсу, является основной метафорой свободы, все примеры утопии того времени. (Stites, 1991: 169-170 & 172.)

Интересно в развитии жанра то, что, хотя произведения н.ф. были действительно популярными, в Советском Союзе особенно в 1920-х гг. н.ф. считались детской литературой. В 1920-х гг. многие популярные писатели н.ф. литературы в СССР были иностранцами, как например Жюль Верн и Герберт Уэллс. Всё-таки, стоит отметить, что, хотя зарубежные писатели были популярными, одновременно советские писатели появлялись также, самыми популярными из них, например, Алексей Толстой и, конечно, Александр Беляев. Появление отечественных писателей привело к изменению места событий в рассказах – они существовали в Советском Союзе, в ближайшем будущем, в отличие от западных произведений. (Schwartz 2013: 228-230.)

Можно также сказать, что частично н.ф. была государственным проектом, поскольку она стала популярной именно из-за государственных действий. С 1922-го года по приказу Николая Бухарина (член Политбюро) было основано издание «Всемирный следопыт», содержащий рассказы «революционного романтизма» (Перевод наш – Ю.Р). Главными чертами революционного романтизма являлись, например, описания «будущего общества» (Перевод наш – Ю.Р). Важную роль также играло завоевание природы с помощью науки и технологии, впервые вышел в свет известный научно-фантастический журнал «Вокруг света». Он также стал весьма популярным – тираж журнала вырос с 1929 по 1930 год из 250 000 до 300 000 копий. (Schwartz 2013: 228-229.)

Эпоха расцвета н.ф. была в 1930-х гг. Во время Первой пятилетки жанр был запрещён и считался вредным литературными критиками РАПП³ (Suvín 1971: 152). На Первом съезде писателей СССР в 1934-ом году Александр Беляев выступал с известной речью «Создадим Советскую Научную фантастику» (см. напр. Schwartz 2013: 236 и Беляев 1938), где он защищал научную фантастику. Именно после этого съезда начали публиковать произведения н.ф. снова, хотя большинство из них были произведениями иностранных писателей. Но советские произведения были также опубликованы, например, роман «Воздушный корабль» Александра Беляева по частям в журнале «Вокруг Света» в течение годов 1934-1935 (Schwartz 2013: 237-238). В последние годы до Великой Отечественной войны произведения н.ф. были среди самых популярных и продающихся произведений в литературной сфере и старые классические

³ Российская ассоциация пролетарских писателей.

тексты н.ф. были опубликованы снова, например, «Аэлита» Алексея Толстого (Schwartz 2013: 240).

Основной особенностью в произведениях 1930-х годов до Великой Отечественной войны являлась то, что действия происходили в ближайшем будущем. Также существовало явное различие между героями 1920-х и 1930-х гг. В 1930-е гг. главными героями являлись, например, советские инженеры и учёные, в противоположности 20-м гг., когда в многих случаях «герои» были, можно сказать, врагами, такими, например, как сумасшедшие профессора. (Schwartz 2013:241.)

Но уже до Великой Отечественной войны ситуация н.ф. изменилась. Во время войны, в произведениях н.ф. одними из главных тем стала тема изобретения оружия против немецких врагов (Schwartz 2013:242). Также во время и после войны до смерти Сталина только некоторые произведения н.ф. были опубликованы. Например, в 1939-ом году были опубликованы всего 36 произведений, но в период с 1940 по 1943 год в целом 32 (McGuire 1985: 18). Также название н.ф. больше не было использовано, а название изменилось в форме «фантастика ближнего дня». (Schwartz 2013: 242-245.) Вопрос о том, почему после войны произведений н.ф. были опубликованы так мало, трудный и даже исследователи не могут дать точного ответа, но Шварц говорит о том, что все же после войны начали снова издавать и публиковать произведения н.ф., и тираж опубликованных произведений с 1945 по 1946 год вырос с 9 до 23 (Schwartz 2013: 243-244 & McGuire 1985: 18).

Места событий также изменились в произведениях до и после войны. Согласно Магуайру, действия в н.ф. романах должны были обязательно происходить в настоящем или ближайшем будущем (McGuire 1985: 15-16). После смерти Сталина на рынок научной фантастики пришло новое поколение писателей, и в произведениях 50-х годов важной темой являлась действия в «далёком коммунистическом будущем» (Перевод наш – Ю. Р.) и в Космосе. (Schwartz 2013: 245.)

В следующем разделе мы обратим внимание на пространство и пространственность. Нам кажется, что мы не можем обсуждать н.ф. без обращения внимания на пространство. Согласно Банерджи, н.ф. – весьма пространственный жанр литературы. Банерджи говорит о трёх сторонах пространственности н.ф.: о горизонтальной оси между Западом и Востоком, о вертикальной траектории полёта и о том, что в советской н.ф. стремятся отрываться от земли в Космос (Banerjee 2012:14). Другой важной частью в нашей работе является (литературная)

картография. Банерджи также говорит о картографической перспективе н.ф. О картографии говорит также напр. Пенская (2016).

2.2 Теория пространства и пространственности

В этом разделе главы наш главный объект исследования – теория пространства. Теория пространства или пространственности (*Spatiality* на английском языке) – многообразная и междисциплинарная. Разные теоретики из разных областей науки интересуются теорией пространства, например, в географии и в разных областях социальных наук. Одними из самых главных исследователей пространства и пространственности являются, например, Роберт Т. Талли, Анри Лефевр и Бертран Вестфаль. В этой работе мы подходим к пространству с точки зрения литературоведения и культурологии. В литературоведении с точки зрения пространства, одна из важных теорий – литературная картография, являющаяся также одним из главных направлений в нашем анализе. Подробнее о теории пространства с точки зрения литературоведения мы обсуждаем позже в этой главе.

Пространственность – довольно новая область исследования, и она сильно связана с теорией постмодернизма. Говоря о возникновении изменения интереса к исследованию пространства используют название «пространственный поворот» (*Spatial turn* на английском языке). (Tally 2013: 12.). Так называемый пространственный поворот – не просто объяснить. Согласно Розенхольм и Савкиной, «(пространственный поворот) означает, что фокус исследования самым активным образом направляется на то, что всегда латентно наличествует, и наравне с темпоральными категориями важную роль приобретают спатальные критерии и скрытые в них непространственные иерархии ценностей и норм» (Розенхольм & Савкина 2015: 6). Другими словами, пространственный поворот – «(---) это органическая часть глобализации современного мира: ускоряющейся мобильности людей, товаров и идей» (Розенхольм & Савкина 2015: 6). Другими словами, после пространственного поворота было обращено больше внимание на значение и важность пространства, особенно в литературоведении и социальных науках (Tally 2013: 3-4 & 120).

На наш взгляд, определение пространства в культурологии – довольно трудная задача. В статье Розенхольм и Савкиной есть цитата, делающая теорию и значение пространства более ясным:

«Пространство – это одна из основополагающих категорий восприятия и изображения реальности. Пространство литературных и культурных текстов нужно понимать *не как пассивное место, не как некую статичную ёмкость* – оно является активным носителем культурных значений.» (Курсив наш – Ю.Р.) (Розенхольм & Савкина 2015:5-6)

Такой подход, на наш взгляд, близок к теории французского социолога Анри Лефевра. Лефевр подходит к пространству как социальному явлению. Согласно ему, пространство «никогда не пустое: оно воплощает в себе значение» (Перевод наш – Ю.Р.), а наоборот: пространство – создано социально (Lefebvre 1991: 26&154). Нужно ещё подчеркнуть, что нам надо постараться понять пространство не только как пассивное и материальное, но также, как Розенхольм и Савкина пишут, как «(---) объект идеологический, живой и субъективный» (Розенхольм & Савкина 2015: 7).

Для нашего анализа пространство и его изменения в романе играют важную роль. Одними из наших главных вопросов исследования является то, как изменяется пространство в романе «Под небом Арктики», какие значения придают новому пространству и как оно представлено в романе? Значения и символы пространства – также важные объекты исследования для нашего анализа, поскольку, как Розенхольм и Савкина также пишут, у пространства есть и символические функции и особенно в литературе и литературоведении, и также повествовательная функция (Розенхольм & Савкина 2015: 9).

Идентичность России и СССР сильно связана с пространством и его символами. У так называемой русской идеи – долгие традиции, и один из главных вопросов в истории идеи России является в том, что такое Россия? Является ли она частью Запада или Востока, или где-то в середине? Как будем представлять, такой дискурс также важен для рассуждений об идентичности Арктики, особенно во время СССР. Также, как отмечено выше, у жанра н.ф. прочный пространственный аспект, особенно в советском н.ф. (см. с. 22).

2.2.1 Семиотика пространства

К пространству можно подходить также с другой точки зрения. Нам кажется, что, анализируя российское пространство, нам нужно также упоминать подход Московско-тартуской семиотической школы и особенно Юрия Лотмана, и главную теорию их – культурную семиотику. Можно сказать, что при анализе российской культуры, культурная семиотика подходящий, или даже обязательный, подход.

Культурная семиотика, в противоположность семиотике, исследует не отдельные знаки, а знаковые системы и отношения между разными знаковыми системами. Один базовый тезис этой школы тот, что культуры – всегда в взаимодействии с другими культурами, или с разными бинарными парами. (Huttunen 2005: [www.](#)) Михаил Лотман, сын Юрия Лотмана, ссылаясь на теорию русского семиотика Бориса Успенского (Успенский 1994, 1996а, 1998), считает, что такой дуализм (между разными бинарными парами) – существенная часть особенно в российской культуре, хотя стоит отметить, что бинарность – феномен, связанный не только с российской культурой, но согласно Лотману, именно российская культура – характерно дуалистическая (Lotman 2017, 263-264).

Российская культура состоит из разных семиотических полюсов, или бинарных пар, находящихся постоянно в борьбе друг с другом. Такими являются, например, пары *свой-чужой*, *Восток-Запад*, *старый-новый* и т.п. Как можно заметить, такие пары – яркие противоположности. Здесь стоит отметить, что согласно семиотическому подходу, эти способы понимания культуры существует только в противоречии друг с другом, то есть, когда один член пары считает «хорошим» и другой «плохим», например. (Pesonen 2005: [www.](#)) Также разные пространства возможно анализировать таким способом. У разных пространств есть свои понятия и коннотации, и они имеют определенные значения (Лотман 1996: 253). Такими могут являться, например, холод Арктики. У пространств есть также свои противоположности, например противоположность холодной Арктики – тёплый юг.

Семиотические коннотации для нашей работы важные, поскольку, особенно в литературе, возможно как бы играть с ними и получать новые значения пространства или места. Лотман исследовал с этой точки зрения, например, коннотации и значения дома в романе «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. У дома есть такие коннотации как, например, *свой*, *безопасный* и т.п. (Лотман 1996:264). Лотман называет противоположность дома «антидом», содержащим в себе такие значения, например, как *чужой*, *дьявольское пространство* и т.п. В романе Булгакова символическое значение дома изменяется. Например, в романе квартира, место жизни, станет местом смерти (там же: 266). Также стоит упомянуть пример города Санкт-Петербурга, содержащий разные символические коннотации и значения. Санкт-Петербурга в литературе понимали, например, «как «парадиз», утопию идеального города будущего», но также как таинственное и фантастическое пространство (Там же: 281&287).

Нам кажется, что такой подход интересный также для нашего анализа. Если у разных пространств есть своё значение, согласно такому подходу, интересными вопросами являются,

например, какие значения у Арктики и севера в романе «Под небом Арктики», и что символизирует новый, подземный курорт? Также нам интересно, какие бинарные оппозиции существуют в романе и какую историю они рассказывают?

Эти вопросы мы рассмотрим подробнее в аналитической части, но перед этим, мы хотим представить, какие значения и какая символика существует у российского пространства?

2.2.2 Символика российского пространства

Мы описываем символическое пространство с российской точки зрения с помощью произведения «Национальная идентичность в русской культуре» Эмми Уиддиса. Безусловно, у пространства много значений в российской культуре и сейчас мы постараемся представить реально-воображаемые черты российского пространства.

Когда говорим об отношениях России и СССР с пространством, у пространства также символическая и метафорическая функция. Уиддис представляет термин «необъятный простор», символизирующий русскую национальную идентичность (Уиддис 2004: 47). Концепция необъятного простора связана с другой идеей Уиддиса, символическим ландшафтом. У пространства в России есть некоторые значения, изображающие типичные черты российской идентичности и российских черт характера. Первоначально Уиддис говорит о бескрайнем пространстве, показывающемся по-разному (Там же: 53). Как Уиддис сама пишет, «Русское пространство описывается как нечто бесконечное – у него, кажется, нет края» (Там же: 54). То есть, у ландшафта есть своя символика. Например, типичные и можно сказать, стереотипные ландшафты России могут быть, например, берёзы, сибирская тайга или, например широкие реки, как Волга или Дон. (Там же: 53).

Необъятный простор можно определить также прилагательными. Как Уиддис пишет, «Необъятный простор – одновременно и безграничный (свободный) и «беспредельный» (...)» (Уиддис 2004: 55). Согласно ей, во время Сталина у пространства были такие значения как открытость и свобода, являющиеся символами «свободы, мужества, открытости сердец» (Там же 2004: 56). «Необъятный простор» также связан с другим термином Уиддис, связанного с пространством и культурой 1920-1930-х гг. – воображаемой географией (Уиддис 2004: 46). Она связана с быстрым расширением и освоением новых регионов, находящихся в периферии, и это было важное явление в СССР в 1920-х гг. Как мы это понимаем, воображаемую географию

можно определить таким образом, что новые регионы были представлены положительно, как «стройматериал» нового режима (Widdis 2003:220). Эта новая воображаемая география была представлена не только через карты, а также при помощи кино, искусства и литературы (Уиддис 2004: 46).

Можно также говорить о пустоте российского пространства. На наш взгляд, пустое пространство – открытое для возможностей. Пустое пространство – место, которое возможно наполнять. Например, Арктику или территории севера, даже Сибирь, можно считать местом бесконечных возможностей и потенциала (Уиддис 2004: 58).

На самом деле, нужно обратить внимание на изменение определения пространства в сталинской культуре. Как отмечено выше, русская идентичность давно связана с понятием Запад-Восток, но в сталинской эпохе понятие пространства изменилось с горизонтального на вертикальное. Об этом написал, например, Владимир Паперный.

Если можно говорить о типичных пространствах России, то, например, поля или степи, их представляют горизонтально. Изменение и стремление к вертикальности во всех областях советской культуры произошло после середины 1920-х годов. Очевидный пример этого изменения уже знакомый нам продукт и явление массовой культуры, связанный с арктическим мифом – авиация и лётчики (Паперный 1996: 77-78).

Авиация означала огромное изменение для человека. Изменение с горизонтального на вертикальный мир связано и со строительством, и важными проектами были, например, строительство плотин и каналов, но авиация представляла новые возможности вертикально, с земли в небо. Один очевидный и один из самых важных примеров – строительство московского метро. (Паперный 1996: 79 & 92.) Согласно Паперному, изменение из горизонтального в вертикальное произошло во всех областях культуры. Пример этого – архитектура и пример вертикальной архитектуры, например, станции нового Московского метро (Там же: 92).

Одна важная бинарная оппозиция, связанная с пространством особенно в советском контексте, – центр и периферия. Эта пара и пара горизонтальности и вертикальности сильно связана также с Арктикой. Символические значения Арктики – важные для нашего анализа, и это мы рассмотрим подробнее в аналитической части.

Россия и СССР – огромные по площади. Как мы понимаем картографию и пространство именно с российской точки зрения, картография и карты были способами понимания и очерчивания огромной страны. Но особенно в советском контексте, картография – весьма

политизированное явление. То есть, как Уиддис продолжает, «на карте разметили идеологию» (Уиддис 2004: 52). Как мы это понимаем, создавая новые карты, возможно переписывать историю, и такая тенденция продолжалась в СССР, особенно в 1920-1930 гг.

В анализе нашим главным подходом является теория литературной картографии и литературной географии Роберта Т. Талли. Роль литературных карт – отчасти такая же, как картография настоящих карт. В СССР у картографии была важная роль в государственной стратегии, и также Сталин сильно интересовался картами (см., например, Livers 2009 и Penskaĵa 2015). С точки зрения картографии, роман «Под небом Арктики» – замечательный пример, поскольку пространство Арктики изменяется, то есть карту Арктики пишут снова. Теория Талли – более современная, чем теория культурной семиотики, но, на наш взгляд, полезная и подходящая вместе с семиотическим подходом.

2.2.3. Арктика как пространство

В предыдущих разделах мы обсуждали, какие значения существуют у пространства в российском контексте, и какая символика здесь появляется. О такой же тенденции можно говорить, когда исследуем и анализируем символику и значение арктического пространства. Нам кажется, что почти всегда Арктика и арктическое пространство были как поля между разными парами бинарных оппозиций. Сейчас мы сосредоточимся на этих бинарных оппозициях. Для нашей работы самыми интересными и важными бинарными парами являются особенно понятия *центр-периферия*, *тепло-холод* и *юг-север* (Курсив наш – Ю.Р.)

Как отмечено в предыдущем разделе, во время Сталина отношение к пространству изменилось, и пространство больше не рассмотрели горизонтально, а вертикально. Россия и позже СССР стали считать себя северной, а не только восточной страной. Такая тенденция существовала также в литературе, где Арктику считали экзотическим местом (Boele 1996:1).

Боеле в своей книге также сосредоточивается на символах севера в литературе, то есть на том, что означают, например, такие понятия как холод, снег и зима. Согласно ему, зима в литературе ассоциируется с такими понятиями как маскулинность, неиспорченность и север (Boele 1996:49). Боеле также говорит о «доместикации зимы как поэтической темы» (Перевод наш – Ю.Р.) (Там же:56). Такая доместикация означает именно то, что идея России или так называемая «настоящая Россия» находится именно на Севере и такой поиск существовал также в литературе (Там же: 57). В российской литературе у Арктики и севера долго была важная роль. Например, во время романтизма и символизма с севером соединились такие качества, как

например зима, темнота и смерть, а с югом такие как лето, свет и жизнь (Там же: 10). Другие черты, часто ассоциирующие с Севером, например, лёд, снег и зима, стали важными чертами российской литературы в 19-ом веке и потом им стали считать именно русскими чертами (Там же: 11).

В изображении Севера и Юга есть также разницы. По Боеле, именно в текстах 19-ого века, когда север стал важной темой в литературе, об этих сторонах горизонта писали по-другому. Изображения юга были прежде всего вертикальными, а севера – горизонтальными. Например, одна из важных тем в литературе о юге были горы Кавказа, а о севере писали такими существительными как пустыни и равнины. (см. также ст. 26-27) (Boele 1996: 121-123.)

Боеле также говорит о термине Юрия Лотмана (1990), о так называемом «внутреннем пространстве». Внутреннее пространство можно определять такими понятиями как *свой, дом, безопасный* и т.п. (Курсив наш – Ю. Р.). Оппозиция внутреннего пространства – внешнее пространство, которое содержат такие определения как *чужой, хаотический и враждебный* (Курсив наш – Ю.Р.). (Boele 1996:3.) Внутреннее пространство подходит к нашей теме отлично, поскольку отношение к Арктике было такое же. Об этом говорит Сузи К. Франк в своей статье «Тёплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива».

Так называемая тёплая Арктика – многообразная. Франк пишет о мифе севера, где говорят «о севере как о благоприятном для жизни регионе – один из старейших мифов европейской культуры» (Франк 2011: www). Согласно ей, у так называемой тёплой Арктики также пространственный аспект:

«В дальнейшем *развитии географического воображаемого «тёплая Арктика»* в рамках пространственных представлений *символизировала границы перехода в потусторонность*, в (гео)исторических моделях образ тёплой Арктики символизировал либо хорошее (потерянное) прошедшее время, либо завещанное (предсказанное) будущее. Во всех этих случаях представление о тёплой Арктике оценивалось в положительных терминах. (Курсив наш – Ю.Р.) (Франк 2011: www).

Миф о тёплой Арктике (и даже стремление сделать её тёплой) был сильным в 1920-1930-х гг. Хороший пример этого – роман нашего анализа. Как Франк сама пишет, «Советская Арктика изображается как место, где холод (---) больше не играет роли» (Франк 2011: www). В предыдущей главе в разделе о борьбе с природой мы уже говорили об этом явлении. Может быть здесь нужно подчеркнуть, что завоевание Арктики и борьба с природой содержали не только физическое изменение земли и пространства, но также изменение климата. Арктический

климат, холод, лёд, снег, и мороз, хотя считались российскими характерами, одновременно считались враждебными.

Арктику можно рассматривать как пустой экран, готовый для наполнения новыми значениями, или, как МакКеннон пишет, как «дискурсивную чистую доску» (Перевод наш – Ю.Р.) (McCannon 2003: 251). Если думаем о воображаемой географии, периферия и Арктика тоже были действительно часть ее. Нужно всё-таки подчеркнуть, что такая тенденция представлять Север и Арктику как воображаемый регион – не только советский феномен, и Арктика не единственное место, содержащее в себе такие понятия. Например, как в Западе восточные страны считают экзотическими (см., например, книгу «Orientalism» Эдварда Саида, 1978). Как Риданпяя говорит, Север воплощает в себе какие-то качества, ассоциирующиеся с воображаемым. Он также добавит, что именно через литературу такие воображаемые качества, или стереотипы о севере стали считать реальными. (Ridanpää 2017: www.)

2.3 Литературная картография и литературная география

Теория пространства и пространственности также в литературоведении – широкая и многообразная. Литературу можно исследовать из разных пространственных точек зрения. Для нашего анализа мы выбрали нашим главным подходом теорию о литературной картографии и литературной географии.

На наш взгляд, литературная картография подходит к нашему анализу замечательно. Как отмечено выше, 1920-1930-е гг. были временами экспансии в Советском Союзе и в 1930-е годы стали обращать больше внимания на картографию и географию даже в школах Советского Союза, частично из-за спасения экипажа парохода Челюскина (см. также ст. 12-13) (Penskaja 2015:172 & Орлова 2008: www.). Важность картографии в Советском Союзе было естественное дело. Завоевание нового пространства нового режима (например, на Кавказе) требовало создания новых карт. Уиддис говорит, что «на карте разметили идеологию» то есть, можно сказать, что новые карты того времени содержат в себе информацию о новом, социалистическом пространстве (Уиддис 2004: 52). С картами создали новое советское государство.

Кроме анализа реальных карт как культурного объекта может быть и другой подход, связывающий картографию и культуру. К литературе можно также подходить с картографической точки зрения. Такой подход – литературная картография. В книге Роберта Т. Талли «Spatiality»

Талли представляет разные способы интерпретировать текст как карту. Такими являются именно литературная картография, литературная география и геокритика (Tally 2013: 3).

Для понимания таких понятий, важным методом является картографирование (*mapping* на английском). Если думаем, какое значение у карт и какая их функция, карты существуют для того, чтобы создать и также писать историю. Карты также помогают нам понимать большие целостности и заполнять белые пятна мира. Такая же функция также у литературной картографии.

Для сюжета романа «Под небом Арктики». на наш взгляд, самым интересным и важным местом события является курорт, находящийся под землёй. С точки зрения литературной картографии, не только этот город важен, а также вся Арктика в романе, поскольку новый курорт будет построен через трансформацию пространства и Арктики. Через литературную картографию мы постараемся создать новую карту об Арктике, о новом пространстве и узнать, какую символику новое пространство содержат в себе и какое отношение между новым и старым пейзажем Арктики.

Теория литературной картографии исходит из того, что роли картографа и писателя – во многих случаях почти одинаковые. В своей теории Талли относится к литературе как к карте. Принципиальное значение является в том, что к любому тексту можно относиться как к карте, то есть, читателю возможно интерпретировать текст в своём уме и он может как бы создать карту о событиях и действиях, в иллюзорном или воображаемом пространстве⁴ (Перевод наш – Ю.Р.) Таким образом, ролью писателя является быть картографом. (Tally 2013: 2.)

Им обоим, создавая карты, нужно решать некие проблемы, например, какую информацию содержит карта и рассказ о пространстве и месте события (Tally 2013: 45-46). Автору, создавая информацию, нужно решать трудности и вопросы о том, например, какая функция этой истории или карты, что читатель должен понять из произведения или карты и что является важными событиями, характерами или темами и наконец, что можно пропустить в тексте или на карте? (Там же:50).

Ответы на эти вопросы – важные именно для читателя. Как есть разные литературные жанры, также существует разные карты для разных целей и без достаточной или точной информации, читателю невозможно интерпретировать текст или карту (Там же:54). Например, у разных литературных жанров – свой свойственные черты, как у разных карт. Карты или места события,

⁴ Imaginary space (Tally 2013:2)

например, готического романа содержит в себе какие-то ожидания о месте действия или ландшафта (Там же:56). Также, например, схема метро отличается, например, от карты города.

Литературная картография функционирует следующим образом: рассказ или история содержат в себе карту, но это работает в обоих направлениях. Также карта сама создает историю. С помощью анализа литературной картографии, отношение между пространством и текстом может выражать новые места (Tally 2013: 46). Литературная картография сосредоточивается не только на отдельных местах и целых пространствах. Как Талли сам пишет, даже у сюжета – пространственная функция, поскольку он функционирует как план, то есть как карта. Литературная картография как бы создает форму мира, создающего в текстах. (Там же:49-50.)

Если роль писателя – быть создателем литературной карты, тогда задача читателя – интерпретировать её. Для объяснения этого явления Талли использует термин *литературная география*. Можно сказать, что литературная география – подход к литературе, связанный именно с тем, как читать текст. Ответ в том – сосредоточиваясь на пространстве и пространственности. (Tally 2013:79.) Согласно Пиатти и др., литературная картография и литературная география работают вместе. Их общая цель – делать ясным отношения реального и воображаемого миров в литературе. (Piatti et al. 2009: 178.)

Различие литературной картографии и литературной географии – не просто объяснить. Именно литературную картографию мы понимаем так, что это метод, с помощью которого возможно понимать и заметить отношения между людьми и пространством и не думать о пространстве как о чем-то пустом, а как о месте, содержащем в себе значение, создающееся в социальном общении. Если думаем о функции карт, они передают информацию не только через топографические элементы, но и через слова. Через карты передают информацию, но они также содержат в себе историю (Tally 2013:46). То есть, у карт – словесные свойства. Это работает также наоборот. Пространство и тексты создают новые места, или даже новые миры, которые возможно исследовать через литературную картографию (Там же:46 & 48).

Как отмечено выше, также у разных литературных жанров – свои черты с точки зрения пространства. Когда говорим о пространственности научно-фантастической или утопической литературы, анализируем или читаем литературные карты о мирах или пространствах, часто не существующих в Земле. Говоря об этих пространствах Талли (как Уиддис тоже) использует термин «воображаемое пространство» (Tally 2013:7). Как интерпретировать и картографировать эти пространства, мы исследуем в нашей аналитической части.

Также один важный термин Талли – понятие души (или чувство) места ⁵ (Перевод наш – Ю.Р.). Талли считает, что чувство места создано именно с помощью воображаемых карт (Tally 2013:16&68). Согласно ему, чувство места связано с литературной географией. Когда человек находит себя в незнакомом месте (даже в литературе), он постарается создать воображаемую карту, с помощью которой он может легче понимать свою позицию в новом месте или пространстве (Там же:68). Можно сказать, что чувство места – нормальная и всеобщая тенденция человека. Александр говорит о том, что идентификация с одним местом – это способ, как понимать мир и находить своё место там, между разными пространствами (Alexander 2017, www.). Согласно ему, также у литературы есть такая функция. Через литературу, то есть через воображаемую географию, где-то между реальным и воображаемым мирами, создаётся также чувство места (Alexander 2017, www.).

В источниках, обсуждавших теории пространства, неоднократно говорили об различии между пространством и местом. Как они отличаются друг от друга и как пространство станет местом – важный и действительно интересный вопрос для нашего анализа. Если подходим к пространству с точки зрения Лефевра (пространство как социально произведенное), то, как оно отличается от отдельного места? О различии между ними много писали. В своей книге «*Space and place. The perspective of experience*» И-Фу Туан исследует различие между пространством и местом.

Согласно ему, отношение к пространству особенно на Западе – амбивалентное. Оно является символом свободы, но одновременно также пространство и свобода – угрозы. То есть, если пространство – свободное, но также грозящее, место – более спокойная и можно также сказать, стабильная сущность (Tuan 2001: 3&54).

Также пространство – что-то абстрактное и часто нелегко объясняемое, а место можно считать более конкретным (Tuan 2001: 6). На наш взгляд, есть также общие черты между ними. Они оба – созданы социально, и они содержат в себе идеи и идеологии. Одновременно, им даёт значение человек. Согласно Туан, пространство станет местом, когда оно получает какую-то дефиницию, или когда пространство станет знакомым (Tuan 2001:73 & 83, см. также Westphal 2011: 5). Одно различие между местом и пространством также то, что пространство как термин и понятие – широкое и у него площадь и объём. Между местами есть пространства. (Cresswell 2004: 8.)

⁵ Spirit of place (Tally 2013:81).

Обсуждение различия между местом и пространством – действительно важно, поскольку такое изменение получается в романе «Под небом Арктики». Согласно Крессуэлл, если на пространство или ландшафт смотрят снаружи, места обычно считают находящимися где-то внутри (Cresswell 2004: 10). То есть, места и пространства существуют в реальном мире.

На наш взгляд, теории о пространстве становятся интересными и полезными, когда при анализе принимают во внимание социальные влияния. На наш взгляд, все места и пространства – интересные именно тем, как они построены и созданы (социально).

Третий литературный подход к пространству – геокритика. На наш взгляд, используя теорию Роберта Талли, мы не можем забыть теорию геокритики, когда говорим о пространственности в литературоведении. Геокритика – пространственный подход для анализа литературных текстов и литературных карт. Один из главных деятелей этой области исследования – французский исследователь Бертран Вестфаль.

Если в литературной картографии главным интересом является роль писателя и его (литературные) карты и в литературной географии новые карты, создающиеся читателем, в геокритическом подходе стремятся анализировать, исследовать и теоретизировать эти новые карты (Tally 2013:114). Как Вестфаль сам пишет, роль геокритики является при анализе между «реальной» и «воображаемой» географией (Westphal 2011: 170).

Также геокритика – многообразный и междисциплинарный подход. Важной точкой зрения геокритики является то, что, анализируя и интерпретируя литературные карты, внимание сосредоточивается именно на географическом уровне карты. С помощью геокритики анализируют новые картографии, создающиеся с помощью литературной географии с целью делать ясным места и пространства мира. (Tally 2013: 114). Как Талли также пишет, целям анализа и исследования текста в конце концов является понимание и объяснение пространства (Там же:114).

Можно сказать, что литературная картография и литературная география – способы для понимания текста и мира в текстах пространственно. В геокритическом подходе стремление анализа также пространственное, но в более широком смысле. Геокритический подход анализирует не только литературные произведения и их отношение к пространству, но также пространство с разных точек зрения. Один возможный подход к тексту – сосредоточиваться на пространстве как объекте силы. (Tally 2013: 114.)

Хотя нам кажется, геокритический подход может быть подходящим для нашего анализа, хотя геокритическое исследование обычно требует более широкого количества материала для анализа. Согласно Вестфаль, в геокритическом анализе главным интересом является именно пространство в текстах, а не, например, произведения отдельного писателя (Westphal 2011:130). На самом деле, Роберт Талли отмечает, что в геокритике, центром интереса является не отдельные места, а места глобальных репрезентации пространства (Westphal 2011: XIV) (Хотя, например, согласно Лаппеле, методы геокритики подходят также при анализе отдельного писателя, см. Lappela 2016).

Согласно Талли, подход пространственности к научно-фантастической литературе – замечательный объект исследования (Tally 2013: 146-147). Карты и пространства в научно-фантастической литературе являются на границе между реальным и воображаемым мирами, содержащимся в себе черты, возможные для представления. Какие эти карты Арктики в романе и как представлено новое пространство, мы рассмотрим сейчас в аналитической части.

3. Аналитическая часть

В предыдущих главах мы представили роль и важность Арктики в разных сферах культуры 1930-х гг., основные черты советской научно-фантастической литературы того времени и главные принципы исследования литературы с точки зрения пространства. Все эти части, как мы предполагаем, находятся в романе, и в нашем анализе мы постараемся показать примеры из романа «Под небом Арктики» и проанализировать их значения.

Мы хотели бы проанализировать основные аспекты романа и понять их место и значение в общем замысле. Наш главный интерес будет сосредоточен на следующих вопросах: как представлена Арктика визуально через текст и как конструируется изображение новой, трансформированной и утопической Арктики? Также, нас интересует, как утопия и советский арктический миф появляются в романе, какие основные черты научной фантастики существуют в произведении. Также мы постараемся создать литературную карту с помощью географических и топографических знаков в романе, не забывая о представлении главных героев, обращая внимание на то, как они представлены в данном тексте согласно правилам социалистического реализма. В последнем разделе анализа самая главная цель – открыть значение подземного курорта в романе. В этом разделе мы также вернёмся к теории культурной семиотики Юрия Лотмана, и с ее помощью постараемся понимать символику подземного курорта и Арктики.

Мы начнём наш анализ с проблемы литературной картографии, о которой писали в последнем разделе теоретической части.

3.1. Литературная картография Арктики в романе

В первой части анализа мы постараемся представить такие черты, с помощью которых возможно создать литературную карту романа. В этой части, всё-таки, сосредоточимся на том, какой является карта Арктики? Было бы возможно создать также карту подземного курорта, но подробнее мы проанализируем пейзаж этого курорта позже в последнем разделе аналитической главы.

В романе есть много географических знаков, с помощью которых можно представить местоположение на реальной карте СССР. Роман – замечательный пример картографии, поскольку в тексте не раз отсылают к картам и картографии. Уже при первом чтении текста некоторые

главы и пункты в книге пробудили наш интерес с картографической точки зрения. Такими являлись, например, главы под названиями «Живая карта» и «Город, не отмеченный на карте».

Роль географических знаков в литературе, на наш взгляд, в том, чтобы определить позицию читателя и также через эти знаки можно легче понимать, в каком направлении движется сюжет в романе. Мы постараемся создать литературную карту следующим образом: мы представим такие географические знаки, с помощью которых можно определить свое местонахождение на карте. Также исследуем, как карты и черты арктического мифа связаны друг с другом в произведении А. Беляева.

В романе экспедиция движется по направлению к северу до Северного Ледовитого океана. Географически путь представлен весьма точно. Роман начинается, когда два главных героя, американец Джим Джолли и инженер Игнат Бугаев, встречаются в городе Гурьев, (Атырау в сегодняшнем Казахстане) и начинают свой путь (Беляев 2007: 5). Они летят на дирижабле, и в начале пути Бугаев покажет Джиму, где они находятся: «Смотри на карту. Мы находимся вот здесь — севернее Байкала, недалеко от Ангарской гидростанции.» (Там же:11). Наконец они прибывают далее на север, на озеро Таймыр, откуда, «направляясь к мысу Челюскин, приходилось идти на северо-восток» (Там же:59). Именно на мысе Челюскина наконец-то построят новый город и подземный курорт.

Здесь стоит обратить внимание на то, что в аналитической части мы говорили о спасении парохода «Челюскин» (см. ст. 12). Хотя в реальности, мыс Челюскина существует, такая отсылка к пароходу по имени «Челюскин» – действительно интересна, но об этом мы будем говорить больше в следующих разделах. Всё-таки, через эти географические знаки, в принципе возможно создать и карту их маршрута. Также через такие знаки можно постараться понимать расстояния в Арктике, например, на вездеходе по пути до Челюскина повествователь романа говорит: «До Челюскина ещё не так близко. По крайней мере сутки пути» (Беляев 2017:66).

Как отмечено выше, у карт и картографии есть разные функции, например они создают и пишут историю и служат как способами понимания (нового) пространства, так и заполняют белые точки на карте мира (см. ст. 26-27). Нам кажется, хороший пример того, как найти свою позицию в новом пространстве, сцена, которую мы уже упоминали, когда Игнат Бугаев покажет Джиму их месторасположение (Беляев 2017:11). На наш взгляд, для создания карт важны не только географические знаки, а также представление пейзажа или природы. Для нашего анализа представление природы – важная тема, и подробнее мы будем обсуждать, как

относятся к природе в романе ниже в этой главе. Но нам кажется, что, читая карты, мы должны обратить внимание также не только на города и места жилья, а также на географию, например, на то, находится ли город близко от воды, посреди леса и т.п. Обращая внимание на представление природы в тексте, на наш взгляд, мы и создаём воображаемую географию, о которой писали, Талли и Уиддис. (см. с. 26-27 & 32 настоящей работы).

Как было характерно для того времени, к природе относились враждебно, и она была представлена опасной и даже жестокой. В романе по пути до берега моря движутся через степи и Сибирь зимой, и пейзаж природы в начале пути представлен следующим образом:

Поля, безводные степи, леса, пустыни и снова леса. Чем дальше на север, тем их становится больше. И всюду — в степях, пустынях, даже в лесах среди длинных широких просек хлопотливые тракторы, грузовики...».
(Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:7).

Дальше на севере еще больше леса и деревья — «сплошные сибирские леса» (Беляев 2017:9). Как и на картах, пейзаж в романе по пути представлен сверху вниз, с дирижабля. Например, «Когда летишь над этими лесами, кажется, весь земной шар покрыт ими. *Им нет ни начала, ни конца*» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:9). Также по пути в дирижабле, Джим Джолли смотрит в окно и видит, что под дирижаблем «угрюмая, непроходимая стена леса» (Беляев 2017:14), пока, наконец дирижабль и его экипаж не прибывают «на большую поляну» (Беляев 2017:19). Здесь стоит обратить внимание на изображение леса. На наш взгляд, его изображение близко к понятию Эмми Уиддиса, о чём мы уже говорили в этой работе (См. ст. 25-26). Уиддис говорит о так называемом «необъятном просторе», и о безграничности пейзажа, содержащего, например, такие качества как свобода и беспредельность (Уиддис 2004: 55).

Но природа и пейзаж представлены не только бесконечными, а также непроходимыми. Лес — повсюду, насколько хватает глаз, «на сотни, быть может, тысячи километров» (Беляев 2017:15). То есть, по пути до севера движутся в местах, где ничего нет. Поэтому, карты условно нужно создать. Нам кажется, что в многих случаях карты, картография и черты арктического мифа как бы работают в романе вместе, создавая новую карту Арктики.

В романе представлено много причин, почему новые карты нужны. Нам кажется, самой главное то, то во многих местах — карты пока не существуют. Карты важные, можно сказать, для будущих целей. В романе завоевание севера и Сибири связано с темой борьбы с природой, но о примерах борьбы с природой говорим в следующем разделе. Важно подчеркнуть также, что,

но на наш взгляд, в романе показано, что для использования сырья нужно трансформировать природу и создать новые карты.

Можно сказать, что в романе отношение между природой и картами – амбивалентное. Пример этого эпизод, когда штурман корабля «Тайга», на котором экспедиция движется в начале романа, Фома Груздев расскажет Игнату Бугаеву об условиях в тайге: «Тайга — она такая, что и карты не помогут (---) Тайгу знать надо. Или вот на таком корабле ездить» (Беляев 2017:50). То есть, надо создать карты для того, чтобы завоевать природу, но одновременно враждебная природа делает создание новых карт трудным. Но новые карты создаются людьми, завоевавшими природу и именно с помощью новых машин и технологии.

Несколько примеров технологического развития и картографии в книге также можно найти. Например, в романе строится «самый короткий транссибирский путь из Европы в Америку» (Беляев 2017: 104-105). Джим смотрит на глобус, появляющийся в телевизоре. В телевизоре видна карта другого типа – маршрутная карта, от Лондона через Сибирь до Кей-Веста во Флориде (Там же 2017).

Также в романе представлено, как карты создаются. Можно сказать, что через эти примеры нам также легче создать литературную карту. Важный вопрос – кто создаёт карты? Мы вернёмся к примеру из начала книги, когда экспедиция начиналась, и герои ехали в направлении Сибири из степи Казахстана. Там есть не только «безводные степи, леса, пустыни и снова леса», но также «Целые полки и батальоны рабочих...», которые «День за днём, шаг за шагом *отвоёвывают пустынные пространства*, проводят каналы, строят дороги, прорубают просеки в лесах...» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:7). То есть, новую карту в романе создают рабочие, и может быть, самое главное в создании новых карт то, что её делают, трансформируя природу и пейзаж.

В конечной части этого раздела, мы хотим вернуться к главе «Город, не отмеченный на карте». В этой главе есть также ссылки на картографию и главных героев того времени, особенно на геологов (о роли и важности геологов в СССР см., например Bolotova 2004). В сцене прибытия в город происходит интересный разговор о важности карт и географии, и об экспансии СССР, когда инженер Игнат Бугаев говорит с капитаном вездехода «Тайга» Симаковым:

«Игнат рассмеялся. — Чего ты? — опросил Симаков. — Беда теперь географам. *Чуть не каждый день переделывай карты и учебники географии.* — Да, теперь, *чтобы знать географию СССР, надо непрерывно пополнять свои знания.* Кто отстал, тот заблудится в СССР» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:68).

Нам в этом разговоре видна быстрая экспансия СССР («надо непрерывно пополнять свои знания»). Когда анализируем дискурс экспансии в 30-х гг., нужно обратить внимание на то, что хотя это действительно было время географической экспансии, экспансия не ограничивалась только географией. Можно также говорить об ускорении времени. Такая тенденция появилась в разных индустриальных проектах во время Сталина (например цель выполнить первую пятилетку в 4 года) и даже в литературе. Пример этого, например, роман «Время, вперёд!» Валентина Катаева о строительстве города Магнитогорск или художественное движение футуристов и левовцев. Также поэт Владимира Маяковский написал стихотворение «Марш времени».

Вопрос в том, почему город не отмеченный на карте, подходит к дискурсу экспансии. Можно думать как так, что работа выполнена так быстро, что города поэтому не найдётся на карте. Может быть другое объяснение, почему город не отмеченный, -- то, что части города находятся, как и курорт, тоже, под землёй (Беляев 2017:71). Также стоит отметить, что лексику, связанную с экспансией, можно назвать даже военной (и она хорошо подходит также к дискурсу «борьбы с природой»). Пример этого можем найти из предыдущей цитаты, где говорится о «целых полках и батальонах (---), которые *«отвоёвывают»* пустынные пространства» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:7).

В следующем разделе мы постараемся объяснить, как черты арктического мифа и научной фантастики проявляются в романе.

3.2. Арктический миф в романе

В начале этого раздела мы представим главных героев романа и позже более подробнее проанализируем, как некие профессии представлены в романе и как эти представления подходят к правилам социалистического реализма. Нам уже знакомы некоторые герои рассказа – американец эмигрант, рабочий Джим Джолли, его друг, с которым Джим знакомится в начале романа, «инженер-электротехник», «инспектор высоковольтной линии» (Беляев 2017: 54:3) Игнат Бугаев и инженер Вера Колосова.

3.2.1 Представление героев романа

В романе есть довольно много персонажей, играющих важную роль в сюжете и в строении нового курорта под землёй. Большинство из них были частью экипажа вездехода «Тайга», о

чём мы уже говорили. Другие важные персонажи – например, геологи Анна Фокина и Зинаида Камнева, метеоролог Верховский (по прозвищу «Дед Мороз», его имени не упоминается), и Симаков, капитан вездехода «Тайга».

В начале этого раздела рассмотрим, как герои романа и их представление подходят к правилам социалистического реализма. Один значительный фактор социалистического реализма – появление нового, *положительного героя*, например строителя (Курсив наш – Ю.Р.) (КЛЕ, www). Согласно Катерине Кларк, положительный герой не только позитивный по характеру, но он должен быть примерным и вдохновляющим человеком, как бы примером движения вперёд к будущему, или можно сказать, к утопии (Clark 1981:10).

Нам кажется, что мы можем уже согласиться с тем, что уже представленные нами герои подходят к определению положительного героя. Они работают среди важного проекта, противятся силам природы и т.п. Может быть самые интересные и очевидные примеры социалистического реализма с точки зрения нашего анализа – роль ритуалов или, можно также сказать, обрядов. Нам кажется, что целью обрядов или ритуалов является просвещение. Кларк также употребляет термин «личная революция» героя (Clark 1981:16).

Как можно замечать, главные профессии того времени (особенно геологи и лётчики) играют действительно важную роль в романе и литературе того времени вообще. Эти профессии можно считать профессиями будущего и профессиями утопии, реализующейся в СССР и в Арктике в романе «Под небом Арктики». Можно сказать, что люди этих профессий все делают героические поступки. Такими являются в романе не только завоевание Арктики и строительные работы там, но, например, поведение героев, когда уже по пути до мыса Челюскина экипаж «Тайги» оказывается среди пожара в лесу. Это хороший пример приключенческого романа, о чём мы говорили в предыдущей главе (См. ст. 17). Им надо участвовать в спасательных работах. Тут представлено также, какие черты существуют у новых героев: «гибель товарищей... никогда. Всем спастись — или погибнуть всем» (Беляев 2017:39).

Роль Джима в романе – можно сказать, двусторонняя. Хотя он переехал в СССР, чтобы найти работу, он постоянно скучает по дому. Когда в романе сравнивается юг с севером, это делается с точки зрения Джима. Ему трудно привыкать к жизни в Арктике. Например, когда Джим скучает по родине, это представлено следующим образом:

«Там (на родине) сейчас день. Сияет яркое, горячее солнце. И на улицах так же тепло, даже ещё теплее, чем в этой избушке... А здесь за стенами, [...] завывает ветер, поднимая снежные вихри..

[...] Нет, он, Джим, не останется здесь. *Уедет в Узбекистан, в Закавказье. Там большие солнца, большие похожие на родину.*» (Курсив Наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:79).

Здесь мы можем видеть интересные бинарные пары. Как видно, родина представлена югом, но это логично, поскольку Джим Джолли сам из Флориды. Но всё-таки, интересно, что там, где дом Джима, есть «день», и на улицах теплее, чем в избушке на Арктике. Также стоит обратить внимание на то, что в романе есть также другой американец, лётчик Смайльс, который попал в аварию, но был спасён. Их фамилии – Джолли, весёлый по-русски, и Смайльс – улыбка по-русски. Их положительные фамилии, нам кажется, не случайны, хотя для сюжета они не играют важной роли. Нужно также обратить внимание на то, что означает Америка и какая роль у нее в этом романе? Джолли и Смайльс – они незнакомцы. Они приезжают в СССР из капиталистического мира и не знают много о Советском Союзе. В начале романа, именно Игнат Бугаев помогает и наставляет Джима. Но у Джима также другая роль в романе.

Мы говорили о роли просвещения в романах социалистического реализма. Пример пути к просвещению – именно Джим Джолли. Прибывая в Арктику, он начал довольно быстро скучать по родине, и он хочет вернуться домой. О мыслях Джима рассказывают, например следующим образом: «Вашу тёмную зиму я ещё могу с трудом переносить, но ваше полярное лето — нет. — Но солнце!.. — От него я и хотел бы сбежать. Это какое-то фальшивое, ненастоящее солнце» (Беляев 2017: 173).

То есть, ему Флорида – как настоящее солнце (о роли и значении солнца мы будем говорить позже в последнем разделе). Интересно то, что Джим уехал обратно в США, но «вернулся через двадцать дней» (Беляев 2017: 184) с четырьмя американцами. На наш взгляд, здесь дело в том, о чём Кларк также пишет. Согласно ей, типично в героях соцреализма то, что герой должен пройти разные этапы до просвещения (Clark 1981: 16).

Просвещение Джима видно в том, что он помогает тунгусу Ашихину, когда Ашихин начинает работать в новом городе в Арктике (Беляев 2017:148) и позже возвращается из Америки с четырьмя американцами. Стоит обратить внимание на то, что Джим как бы возьмёт роль «учителя» Игната Бугаева из начала романа. (См. ст. 35 настоящей работы). С просвещением, Джим движется не только в пространстве, а также во времени, переезжая из США в СССР, из прошлого в будущее, из капитализма в социализм, из антиутопии в утопию.

Нам кажется, что главная причина для возвращения Джима – тоска по великой семье. По Кларк, великая семья была существенной частью сталинского мифа, где Сталин являлся

«отцом» семьи (Clark 1981: 114). Пример этого, когда Джима также, «удивляла эта «большая семья». Когда они передвигались на дирижабле, всюду были *«словно старые знакомые, с которыми только вчера расстались. Общие интересы, общий язык, товарищеское обращение.»* (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:69). Также в романе представлено, что Джим возвращается из США, поскольку он «начал тосковать о Челюскине. И не только о людях, о добрых, весёлых, приветливых, внимательных товарищах» (Беляев 2017: 184).

Характерно в концепте о великой семье то, что люди должны оставить свою семью ради партии (Clark 1981: 115). Такая же функция в романе у ностальгии. Например, о Вере Колосовой говорят, что «ею была одержана первая победа над болезнью ностальгией» (Беляев 2017:128). Также, когда Джим планирует возвращение в СССР, он думает, что это из-за болезни, которой является ностальгией (Беляев 2017:184). Но когда он вернётся в Арктику, можно сказать, что Джим победил эту болезнь, «тоску по родине», как Джим говорит, продолжая: «я останусь работать вот с ними, с товарищами» (Беляев 2017:185). Также интересно, говоря о персонажах романа, отметить, что в строительном проекте как члены великой семьи работают не только русские, а также, например «сибирские татары, и украинцы, и белорусы» (Беляев 2017: 137). Также в проекте участвуют туземцы и другие местные жители Арктики, например оленевод, тунгус Ашихин и лопарь Пелькин.

Для строения подземного курорта самыми важными деятелями являются именно инженеры, но также метеорологи упоминаются, и у них есть важная роль в развитии новой Арктики. Можно сказать, что их роль в романе – как воплощение дискурса «борьба с природой». Уже в начале романа говорится: «Ведь Арктика – это «мастерская погоды», и с помощью экспансии и завоевания Арктики и построения метеостанций метеорологам возможно «безошибочно предсказывать погоду» (Беляев 2017:9). Также в романе «Дед Мороз», т.е. метеоролог Верховский представлен как пионер Севера – он приехал на Север среди первых строителей (Там же:85). У Верховского также другая роль в романе. На наш взгляд, он как бы победитель мерзлоты. Интересный момент в книге, когда экипаж вездехода «Тайга» приедет в ледяной город, где Верховский живёт. Там Джим Джолли и Верховский говорят с инженером Верой Колосовой о «смертельном враге» – вечной мерзлоте.

В романе ответственность за построение подземного курорта лежит на Вере Колосовой. Ей надо также бороться с погодными условиями, то есть, с враждебной природой. Например, под землёй вечная мерзлота мешает стройке, но там построят «плотину из мёрзлого грунта» (Беляев 2017: 110). Подробнее о роли вечной мерзлоты мы будем говорить позже в этой главе.

Роль Веры Колосовой в проекте представлена, например, как роль «настоящего скульптора» (Там же: 90). У неё есть большие и амбициозные планы, которые наконец-то исполняются.

Роль лётчиков в романе важна, но не так, как роль геологов или метеорологов, хотя люди разных профессий во многих случаях работают вместе (например, на ст. 162-163 в романе). Самые интересные из лётчиков в романе – это именно Смайльс и Ольгов, не забывая Симакова и Фомы Груздева, капитана и штурмана корабля «Тайга». Но на наш взгляд, именно Ольгов интересный характер, поскольку его характеристики представлены больше, чем других лётчиков. Ольгов – опытный лётчик, который летал больше 20-и лет. Ольгов – он «человек нового психического склада», и это мы можем его считать примером из теории Кларк, примером свойств нового положительного героя. (Беляев 2017: 159.) Как отмечено выше (см. ст. 11), во времена Сталина, говоря о лётчиках, употребляли термин «сталинские соколы». В романе есть также ссылка на них. В романе представлено, что Ольгов привык «на земной муравейник смотреть сверху вниз», но «в нем не было гордости сокола с презрением, относящегося к ужам, ползающим по земле» (Там же: 159).

Действительно, героев романа можно представлять как строителей утопии, которые «везде дома», как говорит Игнат Бугаев (Беляев 2017:17). Роль Игната неоднозначна. Он наставник Джима, он помогает Джиму привыкать к жизни в СССР и Арктике, но также через Игната в романе представлено развитие технологии, например, он читает книги из телебиблиотеки (Беляев 2017:57).

Может быть, роль героев сильно связана с трансформированием природы и победой над ней, но это невозможно без технического развития. Техническое развитие – существенная часть жанра научной фантастики и в следующем разделе сосредоточимся на чертах этого жанра в романе.

3.2.2 Черты научной фантастики в романе

Как отмечено выше, основные черты жанра «научная фантастика» – именно роль утопии, изображение будущего, технологическое развитие, и приключенческий дискурс. Эти черты также важны для нашего анализа, и здесь мы сосредоточимся на всех этих чертах, которые действительно существуют в романе «Под небом Арктики».

Один из самых известных писателей жанра «научная фантастика» – француз Жюль Верн. Стоит напомнить, что Александра Беляева называли «советским Жюлем Вернем» (См. с. 4 и Бритиков 1976, [www](#)) и можно полагать, что у Верна было сильное влияние на творчество Беляева, поскольку мы заметили, уже первый раз читая роман, что в нём существует ссылки на Верна. Например, одно из самых известных произведений Верна – роман «Путешествие к центру Земли» (1864) и в романе «Под небом Арктики» есть глава по названию «Путешествие к центру Земли». Также в начале романа Симаков, капитан вездехода «Тайга», представляя вездехода Джиму, говорит о важности развития вездехода следующим образом: «Чтобы двигать такую машину, как «Тайга», надо иметь двигатели во много тысяч лошадиных сил. Устроить этаким жюльверновский «паровой дом»?» (Беляев 2017: 24). «Паровой дом» – известный роман Верна.

В романе новые изобретения и их представление играют важную роль, поэтому мы сосредоточимся больше на примерах этого. Отметим, насколько детально подробности и развитие изобретений представлены в романе. Самые, на наш взгляд, интересные изобретения в романе, — это уже неоднократно упомянутый вездеход «Тайга» и также некоторые машины и механизмы для строительства.

О «Тайге» говорят в романе как о вездеходе, но это более сложная машина, чем только вездеход. «Тайга» может летать, хотя как Симаков, капитан и изобретатель «Тайги», объясняет Джиму, «Тайга» «не воздушный корабль» (Беляев 2017: 19), а «вездеход, приспособленный для длительных экспедиций по тайге и тундре при любых климатических условиях и во все времена года» (Там же: 20). По тайге или тундре возможно не только летать, а «Тайга» может также двигаться на колёсах (Там же: 33) или на лыжах (Там же: 62), и она может даже поплыть (Там же: 59) в зависимости от природных и географических условий.

«Тайга» – быстрая машина, использующая ветер как источник энергии. Для использования ветра, «Тайга» «возит за собой свою летучую электростанцию», по названию «Змей» (Беляев 2017: 19). Интересно также что о «Тайге» говорят, что вездеход «технически (...), конечно, ещё несовершенен» (Там же: 164). То есть, «Тайга», не воплощение утопии, но её можно рассматривать как пример прогресса, являющегося основой частью научно-фантастической литературы.

В романе технологическое развитие и дискурс борьбы с природой как бы работают вместе. Цель технологического развития – подчинять природу новой технологии. Хороший пример

этого – ветряная станция, или «воздушный змей», о чем мы уже говорили (Беляев 2017: 24). Эта воздушная ветряная станция также пример того, что покорение природы невозможно без её помощи. Это видно, также, например, когда капитан «Тайги» Симаков говорит:

В этих широтах санный дорога стоит по крайней мере восемь месяцев в году. Если бы «Тайга» была приспособлена только для зимы, она и в этом случае оправдала бы себя. *Ведь только благодаря ей теперь можно производить изыскания и полярной зимой. Насколько это ускоряет наше освоение Арктики!* (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 62)

Силы природы используются как стройматериал, например лёд или ветер, такие, которые «(–) везде под руками» (Беляев 2017: 26). Также лёд используется, например, для строения «искусственного острова-аэропорта из льда» (Там же: 91). Роль и значение природы – действительно важные и интересные объекты исследования, и подробнее на них обратим внимание в следующем разделе главы.

Но новые машины не строятся только для того, чтобы победить природу. В романе говорят, например о «построении межпланетного корабля» (Беляев 2017:46), и о стратопланах, которые летят «быстрее звука» (Там же: 153). Эти стратопланы в романе функционируют как транспортное средство, на котором приезжают новые строители в Арктику (Там же:154), как и подводные лодки, плавающие из СССР в Америку (Там же: 96). Также новая железная дорога, или «Великий сибирский путь», строится из Лондона во Флориду. Интересно также то, что путешествие в новых транспортных средствах представлено как очень комфортное. Во время путешествий, можно, например, читать книги из телебиблиотеки или смотреть телевизор (Там же:57 & 58).

В романе есть также много примеров о приключениях, являющихся важной частью в произведениях научной фантастики. Уже в начале романа Игнат и Джим встречаются с трудностями. Начиная свой путь на Север, пилот самолёта получил лёгкую травму, но Игнат и Джим продолжают путешествие на вездеходе «Тайга», который позже попадает в лесной пожар. «Змей», ветряная станция, присоединенная к «Тайге», и её экипаж попадают в опасность. Спасение «Змея» – не лёгкое дело, а «работа была напряженная, небезопасная, требующая большой ловкости и сноровки» (Беляев 2017: 34). Также о спасении говорит следующим образом:

Каждый пережил тяжёлую секунду внутренней борьбы. Положение для всех было ясным: задержка «Тайги» хотя бы на несколько минут может стоить жизни всем. Спасти возможно, только пожертвовав «Змеем» и змеевиками. Позади на много километров бушевало огненное море. И «Змей» неминуемо упадёт в огонь. (Беляев 2017:38).

Наконец весь экипаж был спасён. Как часто бывает в приключенческих романах, всё заканчивается хорошо. Как помним из нашей фоновой главы, одна важная часть Арктического мифа – спасение экипажа парохода «Челюскин» (См. ст. 12). Может быть, спасение экипажа «Змея» является как бы ссылкой на спасение «Челюскина».

Еще одна важная черта научной фантастики – утопия и изображение будущего. На наш взгляд, в этом романе роль утопии и будущего – это одно и то же. Цель экспедиции в романе – построить не только курорт, а именно утопию в Арктике, и для этого нужно, например, победить природу. Утопия в романе строится в настоящем, но целью её является будущее.

Утопия также работает вместе с технологическим развитием. Когда анализируем отношения утопии и технологий, нужно обратить внимание на то, что в романе есть некоторые ссылки на настоящее технологическое развитие в СССР того времени, на утопические строительные проекты, такие, как гидроэлектростанции и электрификацию СССР:

— А электрификация такой страны, как бывшая «Расея», — не мечты? А Днепрогэсы — не мечты? (---). А этот «Змей» — не мечта? А «Тайга», на которой мы с комфортом путешествуем, — не мечта? И, наконец, новые люди — это не мечта? Друг мой, ты ещё не вошёл во вкус этой увлекательной работы: *мечтать, чтобы тотчас превращать мечту в действительность*. Вот как войдёшь в эту работу, так у тебя просто не останется времени на меланхолию. Мечты!.. — все ещё волновался Игнат. (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:64)

Также пример того, как будущее стало частью настоящего, эпизод, когда Джим удивляется поезду из Европы в США через Сибирь: «Не раз Джим заходил в лабораторию Костина, расспрашивал нового друга о дороге и просил показать картинки на экране (---) Прямое сообщение от Лондона — *дело будущего*» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 181). Но также у прошлого интересная роль в романе. Например, строители в ледяном городе, не отмеченном на карте, любят «вспомнить старину» (Беляев 2017: 78), т.е. прошлое. Также на курорте есть, например туша мамонта, как экспонат из прошлого. О символике мамонта мы будем говорить в последнем разделе нашего анализа.

Утопию в романе можно также назвать сказкой. Когда Джим прибывает в Арктику, Вера Колосова спрашивает у него: «Я ещё не все рассказала вам, а если рассказать все, то это будет как волшебная сказка. Хотите строить сказку, Джим?» (Беляев 2017: 126). Утопическая сказка – небо для рабочих.

Последняя часть Арктического мифа – враждебное отношение к природе. На этой теме мы сосредоточимся в следующем разделе.

3.2.3 Дискурс «борьба с природой» в романе

Мы уже немного ссылались на некоторые примеры дискурса борьбы с природой, например трансформация природы, строительные и промышленные проекты, такие, как гидроэлектростанции, новые железные дороги и т.п. (См. также ст. 13). В романе «Под небом Арктики» дискурс борьбы с природой идёт ещё дальше, и природные силы используются как помощь для покорения Арктики в романе. Пример этого, например, использование ветра как источника энергии. Дискурс борьба с природой – амбивалентное явление, и сосредоточимся на примерах этого.

Как Бугаева также заметила (см. ст. 14 и Бугаева 2015 и Бугаева 2018, www), важная черта дискурса борьбы с природой – использование военной лексики. Таких примеров в романе много. Уже в начале романа цели и способы покорения Арктики видны: «Мы ведём на Арктику наступление с юга и *штурмуем* её ледоколами со стороны Ледовитого океана» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:9). Также во время пожара на вездеходе «Тайга», можно сказать, экипаж и вездеход как бы нападают на природу: ««Тайга» была *готова для штурма*. (---) «Тайга» *быстро двинулась вперёд, как танк в атаку*» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 35).

Но нам кажется, что такая лексика не только связана с победой над природой, а также интересно, что о сырье говорят, например, как «*батарея* гигантских элементов под ногами» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 71). Также, в романе прямо есть такие фразы, как «побеждать природу, климат» (Там же: 151) и изображается, что «чувствовалась победа над стихией, гордая радость человека, покорившего мёртвую пустыню» (Там же: 70). В конце романа цели завоевания Арктики и покорение природы были достигнуты: «Темнота, холод, метели, вечная мерзлота — всё было против нас, но мы вышли победителями» (Там же: 182).

Одна причина для завоевания Арктики в романе и в реальности – сырье. Как повествователь романа говорит в начале текста: «Перед нашей страной стояла грандиозная задача: до конца открыть Сибирь с её неисчерпаемыми источниками энергии и природных богатств» (Беляев 2017: 23). Также, Арктика «— это страна несметных и ещё почти не изведанных богатств» (Там же: 9). На наш взгляд, можно также говорить о льде как сырье, поскольку его так много используют в романе, например, здания в городе, не отмеченном на карте, построены из льда. О строительстве этого города говорится следующим образом:

«Для них это была задача вроде той, которую разрешил знаменитый итальянский архитектор Брунеллески, когда он проектировал купол флорентийского «дуомо» — собора. Но, однако, ничего — справились наши Брунеллески. Правду сказать, первые иглу вышли такие, что эскимосы, наверно, смеялись бы. Хорошо, что *материал уж больно податливый*. Там обрубил, там водицей зальёшь, морозцем прихватит — *что твой бетон. Замечательный материал*. А тут, на наше счастье, и эскимосы забрели. И что вы думаете? Вот это строители! [...]. Растёт дом прямо на глазах. Верите ли, за полчаса по дому делали. Внутри скребком поскребут, выравниют — и готово.» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 86).

На наш взгляд, именно лёд является метафорой амбивалентности отношений с природой. То есть, одновременно природа – враг, которой должен быть побеждён, но природа также предлагает «местный строительный материал», именно лёд (Беляев 2017: 87). Из льда также строят «ледяные фантастические деревья» (Там же: 90).

Одна важная угроза в Арктике – холод и особенно вечная мерзлота. Особенно вечная мерзлота представлена врагом, с которым ведётся «упорную борьбу» (Беляев 2017: 81-82). Вечная мерзлота также мешает строительству курорта под землёй, но с помощью новых героев и новой технологии она будет побеждённой. В романе есть интересное образное выражение о том, когда вечной мерзлоты побеждена. Инженер Вера Колосова говорит, что «Ниже вечной мерзлоты — *вечная теплота*, какое бы время года и какая бы погода ни были на поверхности земли» (Курсив наш – Ю.Р.) (Там же: 121). То есть, одержать победу над врагом, над природой, возможно с потеплением природы и Арктики. Холод и тепло – интересная бинарная пара в нашем анализе, и больше мы будем ее обсуждать в следующем разделе главы.

Как уже отмечено выше, амбивалентность – основная часть Советского Арктического мифа (см. напр. ст. 14). Такая тенденция также у отношения к природе. С одной стороны, природа – враг, но с другой стороны, она является важной партнёршей в переработке Арктики. Например, вечная мерзлота делает работу трудной, но одновременно, например, из мёрзлого грунта строится плотина (Беляев 2017:110) (Стоит обратить внимание на то, что здесь ещё одна ссылка на реальную историю и технологическое развитие СССР – на большие строительные работы, например, на Днепрогэс). В следующем разделе обратим внимание на, самую интересную, на наш взгляд, часть романа – на символику Арктики и подземного курорта в романе.

3.3. Символика Арктики и подземного

Как нам уже известно, у Арктики была действительно важная роль не только в политике, а также в массовой культуре того времени. Арктика, как она представлена в романе нашего

анализа, на наш взгляд, содержат в себе все черты, характерные для того времени и жанра «научная фантастика», особенно примеры дискурса борьбы с природой и победы над ней.

О символике Арктики 30-х годов много писали, также и мы в нашей работе. В нашем анализе о представлении Арктики сосредоточимся на следующих чертах: как представлена визуальность и пейзаж Арктики в романе, и особенно, какие примеры о нам уже знакомых бинарных парах существуют в романе? Как уже отмечено выше, анализируя значение Арктики, важно упоминать, что пространство и также Арктическое пространство содержат в себе определённые бинарные пары (см.ст.25). В нашем анализе о значении севера и Арктики и подземного обсуждаем следующие бинарные пары: тепло-холод, юг-север, и свет-темнота. Мы будем обсуждать здесь самые выразительные примеры этих бинарных пар.

Сама символика Арктики с точки зрения семиотики пространства в романе «Под небом Арктики» было бы интересным объектом исследования, но нам кажется, что с этой точки зрения там есть много интересного, но не так много нового. Поэтому нашим главным интересом в последней части нашего анализа является символика подземного, которая, на наш взгляд, открывает значение Арктики по-новому. Какая роль у подземного курорта в романе, и можем ли мы понять его значение с помощью важного, утопического строительного проекта того времени – строительства московского метро? Эти черты и примеры мы рассмотрим сейчас, но стоит подчеркнуть, что во многих случаях, символика Арктики в романе связана с символикой подземного.

3.3.1 Символика Арктики в романе

Как уже отмечено выше, анализируя значение Арктики, важно упомянуть, что пространство и также арктическое пространство содержат в себе определённые бинарные пары (см.ст.24-25 &27). В разделе о литературной карте романа мы уже немного обсуждали, как Арктика представлена в романе. Она действительно представлена опасной, бесконечной и непроходимой, что было характерно для того времени (см. напр. ст. 37).

В романе «Под небом Арктики» действительно важную роль играют стремления, можно сказать, уничтожить действующие природные условия. С помощью трансформации Арктики, содержащей в себе потепление Арктики и физическое изменение её, не только разрушается прошлое, но строится будущее, -- мысль, подходящая к особенностям жанра научной фантастики.

Цель завоевания Арктики в романе – трансформировать Арктику, сделать ее пригодной для заселения, то есть создать новое пространство. В романе говорят, например:

И из Челюскина через льды и снега — по тундре и тайге — потечёт живительный ток. И *оживут мёртвые пустыни*, завертятся колеса электропоездов, задвигаются рычаги машин, *вспыхнут яркие искусственные солнца среди вечной тьмы*. Благодетельное тепло наполнит дома, заводские помещения, оранжереи. Новые люди придут сюда, на край света, и с улыбкой радостного изумления скажут: «А здесь совсем не плохо!» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 151)

В этом примере, на наш взгляд, представлено почти всё, что важно для символики Арктики в романе. Арктика представлена опасным пространством («мёртвые пустыни»), которое будет покорено с помощью технологии, примерами чего являются, например, электропоезда и искусственные солнца. Освоение Арктики, в реальности и в этом романе также, важно из-за сырья. Арктика представлена в романе как «ледяная страна» и «волшебная фабрика для переработки холода в тепло» (Беляев 2017: 6). О природе Арктики говорят, например как о пространстве с «хаотически нагромождёнными глыбами льда», мёртвом и снежном (Беляев 2017: 95).

Вопрос о символике мёртвое-живое – действительно интересен. Во многих случаях в нашей работе мы говорили о роли прошлого. Когда говорим об Арктике и её трансформации в романе, нам кажется, что мы одновременно говорим об «убийстве» (уничтожении) её. Если думаем о роли новых героев романа, покорителей Арктики, можно сказать, что их роль можно назвать почти божественной. Как отмечено выше, об Арктике говорят, например, как о мёртвой пустыне. Через трансформацию Арктики коммунистами, новыми советскими людьми, мёртвое станет живым и тёмное станет светлым. О роли и значении света мы говорим больше в следующем разделе, но здесь стоит подчеркнуть и ещё раз упомянуть роман Томмазо Кампанеллы – «Город солнца» (см. ст.6). В религиозном смысле свет в романе символизирует не только живое вместо мёртвого или жизнь вместо смерти. Свет в романе сделан через искусственные солнца, и назначением солнц является принести жизнь вместо смерти.

Один способ для трансформации Арктики в романе – утепление её. Стремление утепления Арктики не новое, а об этом говорит, например Франк в своей статье и также в этой работе на страницах 28-29. По Франку, в литературе 1930-х годов есть 3 способа, как превосходить холода: технические изобретения, социальная теплота и воображение (Перевод наш – Ю.Р.) (Frank 2010:109).

В романе стремятся привести тёплый юг на север. Согласно Паперному, такая тенденция характерно именно для сталинской эпохи и сталинской культуры (См. ст. 26-27). Паперный также пишет о «потеплении культуры». Культура этой эпохи считались тёплой и можно сказать, южной, и роман «Под небом Арктики» подходит к такому понятию также (Паперный 1996: 173-174).

На наш взгляд, когда говорим о примерах бинарной пары юга и севера в романе, мы одновременно говорим также о паре свет-темнота. Поэтому мы обсуждаем эти пары одновременно. Можно сказать, что пара юг-север – также подходящая к теории Владимира Паперного об изменении понятия культуры и пространства во времена Сталина, то есть об изменении с горизонтального в вертикальность.

Примеров использования обих бинарных оппозиций в романе много. Особенно Джим Джолли много скучает по югу, и часто расстраивается из-за того, что продукты юга, особенно фрукты, не существуют в Арктике. Игнат Бугаев старается успокаивать Джима и обещает ему: «Мы сами смастерим здесь и свет, и тепло, и солнце, и тропики. И даже бананы тебе вырастим в оранжереях, если ты без них жить не можешь» (Беляев 2017: 64). То есть, в Арктике строится юг, и когда Джим скучает по Флориде и сомневается, что жизнь на Севере не подходит для него, Игнат и Вера Колосова стараются успокоить Джима:

Да, устроить тропики. Настоящие. *Не призрачные тропики на экране, а с настоящей водой...* — И, быть может, даже *с настоящим солнцем?* — *Почти.* Оно будет светить и греть не меньше и давать нам все свои живительные лучи, как и настоящее солнце... *Хотите делать солнце, Джим? Хотите делать тропики?* Эта работа как раз подходит к вам. Чем лучше вы будете работать, тем скорее вы и другие тоскующие получите уголок тропиков, где вы будете чувствовать себя почти как дома. — Я не умею делать солнце, — сказал Джим и снова попытался улыбнуться. — Мы научим, — ответила Вера. (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 108).

Здесь также видны примеры солнца, то есть пример борьбы с природой и победы над ней. Юг построен именно в курорте под землёй. Наконец в Арктике растут, например, настоящие пальмы, бананы и апельсины, но там также есть «зелёные попугаи» и колибри (Беляев 2017: 176&177). В романе часто упоминаются не только разные фрукты, но именно оранжереи, которые можно считать символами юга, но также и воплощениями технологического развития, символами победы над природой (Там же:72).

Тепло и утепление Арктики – на наш взгляд, примеры утопии. В начале романа повествователь говорит, что «не будет ничего удивительного и в том, если из холода они станут добывать тепло» (Беляев 2017: 9). Можно сказать, что бинарные пары юг-север и тепло-холод во

некоторых примерах – то же самая вещь. Пример этого – курорт под землёй. Курорт греется теплом земли и там, под землёй, внизу – тепло и комфортно, чем ниже вниз, тем теплее там (Беляев 2017: 121).

На наш взгляд, бинарная пара юг-север также близка понятиям центра и периферии. На наш взгляд, отношение Арктики с дискурсом о центре-периферии – также амбивалентное. Географически Арктика находилась (и, конечно, находится) на периферии, если сравнивать с югом или с Москвой. Арктику хотели сделать тёплой, привести тепло на север, или центр в периферию.

В книге «Landspaces of Stalinism» говорят о «парадоксальной центральности периферии» (Перевод наш – Ю.Р.) (Naiman 2003: XV), термин, подходящий для нашего анализа. Мы видим и понимаем периферию как часть воображаемой географии, особенно в литературном и художественном контексте. Арктика как периферию в 1920-1930-х годах можно считать самым главным элементом воображаемой географии (Widdis 2003: 221-222). В литературе и продуктах массовой культуры того времени вообще местом действия часто являлась (утопическая) периферия (Clark 2003:14 & Taylor 2003:211-214). В романе «Под небом Арктики», на наш взгляд, это именно курорт под землёй, который является утопической периферией, становится в конце концов как бы центром вместо периферии.

В начале этой работы у нас были трудности понимать, что означает это новое место, курорт под землёй? Мы решили подходить к нему с точки зрения другого, важного строительного проекта того времени, также находящегося в какой-то периферии – Московского метро. В последнем разделе мы постараемся обсудить значение подземного с помощью символики Московского метро.

3.3.2 Подземный курорт и его символика.

Как отмечено выше, развитие промышленности было частью эпохи и утопии Сталина. Важной частью развития промышленности были утопические строительные проекты. Такими являлись, например, гидроэлектростанции, в частности, Днепрогэс в южной Украине, и строительный проект первого, социалистического метро – московского метро. О метро Москвы и его символике много писали и здесь мы подходим к символике его с помощью статей Ирины Савкиной и Кита Ливерса.

Согласно Савкиной, разные метрополитены имеют какой-то символический потенциал, но символическое значение московского метро даже сильнее, чем у других метрополитенов. По Савкиной, московское метро не как другие метро-системы мира. О московском метро говорят как о «сталинском метро, воплощении *советской утопии*» (Курсив наш – Ю.Р.) (Савкина 2015: 151).

Интересно в статье Савкиной то, что с московским метро связаны также другие символические значения. Савкина отмечает, что о коммунизме можно говорить как о новой религии, и интересно то, что она «создаётся через инверсирование старой» -- пример, нам уже знакомый из раздела о жанре научной фантастики (См. ст. 17) (Савкина 2015: 153). Ливерс говорит о том, что московское метро содержит в себе некие элементы религиозного дискурса (Livers 2009: 190), и также Савкина говорит о станциях московского метро как «подземных дворцах» (Савкина 2015: 154). Эти примеры религиозной символики московского метро мы будем обсуждать позже в этом разделе.

Можно сказать, что в символике Арктики и московского метро есть много общего. Они оба были действительно важными, утопическими проектами Сталинской эпохи, и также Ливерс говорит о московском метро как об «Арктике подземного» (Livers 2009: 209). Что означает такая Арктика подземного?

Нам кажется, что у московского метро есть много общего с арктическим мифом. Один важный соединительный фактор между ними –новый советский человек, борющийся в «эпическом бою с враждебными стихиями» (Перевод наш – Ю.Р.) в опасном, незнакомом пространстве под землёй, то есть дискурс борьбы с природой повторяется в дискурсе метро и арктического мифа (Livers 2009: 189 & 201). В статье Ливерса говорится много о человеке нового типа (Livers 2009: 209). Здесь стоит напоминать, что о новом человеке говорят также в романе «Под небом Арктики» (см. ст. 40 & 43 и Беляев 2017: 159). Именно с точки зрения московского метро у нового советского человека важная задача: пролить свет и разум в замкнутое место под землёй, или можно также сказать, принести просвещение в бессознательность (Livers 2009: 215).

Можно сказать, что главным символом или символом положительности всех обсуждаемых нами бинарных пар (тепло-холод, юг-север и свет-темнота) является солнце, вмещающее в себя и тепло, и юг и свет. Также в романе символом просвещения является именно солнце и, например, в романе есть одна глава под названием «Человек, который хочет сделать солнце».

В этой главе именно тунгус Ашихин тот, через которого обсуждается значение солнца. Следующим образом представлено, когда Ашихин первый раз видеть искусственные солнца:

«— Вот и дом из дерева. Вот и дом из камня. Вот и дом изо льда. Вот солнце, сделанное человеком, чтобы отгонять мрак. *Одно солнце, два солнца, три солнца, много солнц.* Они связаны жилами оленя и прибиты к столбам. Вот уже и люди видны, которые умеют делать солнце. *Ашихин тоже скоро научится делать солнце.* И будет жить в большом доме. *И солнце будет у него в комнате.*» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 130)

Ашихин в романе действительно учился делать солнце. Повествователь рассказывает: «Он (Ашихин) тоже умеет делать свет. Это совсем нетрудно...» (Беляев 2017: 135). Стоит также отметить, что согласно нашей интерпретации, солнце имеет то же самые функции и значение, о которых мы говорили на предыдущей странице: оно является также символом просвещения, и с помощью его приносят свет в тёмный мир подземного.

Также роль Джима и солнца действительно интересна. Мы вернёмся к примеру, уже обсуждённому нами на странице 41. Там перед возвращением Джима в США он говорит об искусственных солнцах так: «Вашу тёмную зиму я ещё могу с трудом переносить, но ваше полярное лето — нет. — Но солнце!.. — От него я и хотел бы сбежать. Это какое-то фальшивое, ненастоящее солнце» (Беляев 2017: 173). На наш взгляд, здесь солнце является как символом просвещения. Как мы помним из страницы 41-42, мы уже обсуждали просвещение с точки зрения Джима. Эти фразы можем интерпретировать так, что Джим пока не готов для просвещения («фальшивое, ненастоящее солнце»), но, как мы знаем, он вернется обратно в СССР и станет просвещённым.

У света и солнца действительно есть много значений. Они могут являться символами юга и тепла, но также символами победы над природой и именно символом утепления Арктики. Прибытие ледокола «Северопуть» на мыс Челюскин и посещение экипажем нового курорта под землёй представлено следующим образом:

«Огромный ледокол, как плавающий город, медленно подходит к берегу. Здание температурной станции ярко освещено. Две перекрещивающиеся дуги высоко висят над городом. Дуги увешаны сильнейшими фонарями. *А на скрещивании дуг, в зените, горит солнце. Ослепительно-яркое солнце. Нет больше тьмы, нет полярной ночи.* Колосова пригласила моряков осмотреть подземный курорт. — Волшебство! Сказка из «Тысячи и одной ночи!» — говорили гости, бродя по пещерам.» (Беляев 2017: 176).

Значение солнца, на наш взгляд, также связано с другой бинарной парой — юг-север. Примеров символики юга в романе много, но значение юга, согласно нашей интерпретации, именно

связано с дискурсом победы над природой и стремлением согреть Арктику, и конечно, принести свет в подземный курорт. Пример этого – пляжи и искусственные солнца. Комфортный, светлый юг был принесён в Арктику. Изображение юга представлено, например в следующем примере.

«На золотистом песке широкого пляжа, у голубого озера, лежали люди в купальных костюмах, загорали на солнце или плавали и ныряли в воде. Среди кустов и клумб тропических растений били фонтаны. Каскады низвергались со скал. Вдали виднелись уютные уголки, беседки, увитые вьющимися цветущими жёлтыми розами.» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 177)

В этом примере хорошо видны приметы юга – пляж, солнце и тропические растения. Также на курорте есть «каналы, реки, озера и автомобильные дороги» (Беляев 2017: 177). В этом примере подземный курорт уже построен. Там также видны важные темы того времени. Именно отопление, изменение из горизонтального в вертикальность (т.е. изменение юга в север) и технологическое развитие. Об успешном, окончательном курорте главный инженер Вера Колосова говорит, например, как об «уголке вечной весны» (Там же: 176). Этот уголок место, где:

«Да, здесь мы победили природу. Здесь мы делаем климат по своему желанию. Нам повинуются солнце. Мы могли бы делать здешние сутки длиннее или короче, но обычно наше искусственное солнце движется с той же скоростью, как и настоящее на экваторе. Для вас мы сделаем исключение. Вы хотите посмотреть тропическую ночь? Пожалуйста!» (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017:176-177)

Подземный курорт таким образом является местом, где человек победил природу и трансформировал её именно, как Вера Колосова также говорила, по своему желанию. С точки зрения пары тепло-холод, роль подземного в романе – действительно интересна. Подземный курорт – это именно место, где холод и зима трансформируется в тепло и лето, но интересно с этой точки зрения то, что холод и зима существуют и там, но как музейные экспонаты.

В подземных пещерах также были найдены останки туши мамонта и человек из ледникового периода (Беляев 2017: 145-146). Там под землёй есть также музей, или можно также говорить о зоопарке, где есть, например «семейство полярных медведей, стоявших на большой льдине», и другие животные и из полярных и южных регионов (Там же: 172). Такое явление, на наш взгляд, ещё один пример амбивалентного отношения к природе. Этот музей изображён следующим образом:

«— Это первый музей подобного рода. (---). Подумайте только: *пройдут не сотни, а тысячи лет; лицо земли станет неузнаваемым; белые медведи, быть может, исчезнут, а вот эти будут стоять нетленными, неприкосновенными памятниками минувших эпох.* — А если мы изменим климат настолько, что в *здешных широтах будет тепло, как сейчас на юге?* — спросил один из посетителей. — Ну, разумеется, тогда придётся искусственно охлаждать музей. Технически вещь совершенно простая. — *У нас есть не только «полярная» пещера, но и тропическая.»* (Курсив наш – Ю.Р.) (Беляев 2017: 172).

Через эти примеры о музее, мы снова вернёмся к основной черте жанра «научная фантастика» – вопросу о роли будущего и его отношений с прошлым и настоящим (См. ст. 17). Если цель завоевания Арктики – изменение климата и пространства Арктики, и утепление её, то возникает вопрос, почему в романе хотят сохранять примеры прошлого?

Вопрос трудный, но нам кажется, что этот музей и его экспонаты, если так можно назвать, например полярных животных, являются символами победы над прошлым. Музей символизирует окончательную победу над стихией, но роль природы в романе – не так просто объяснить. Здесь вернёмся ещё раз к выводу об амбивалентности природы. Полярные животные, и особенно белые медведи, упоминаются много раз в романе. После того, как подземный курорт и зоопарк были построены, о белых медведях говорят, что «медведи отойдут в область истории» (Беляев 2017: 114), но одновременно их хотят сохранять. Почему? На наш взгляд, дело в том, что в романе человек представлен как мастер Арктики и природы вообще. Человек, или точнее сказать, новый советский человек, может сам решать будущее природы и Арктики.

В конце нашего анализа, мы обсудим религиозную символику подземного курорта в романе. Пещеры под землёй представлены как «напоминающие внутренность готического собора» (Беляев 2017: 124). Также впечатление Джима Джолли о подземном курорте изображается так: «На его глазах неровный, *бугристый свод* пещеры превращается в правильную, гладкую полусферу. Это будет *свод неба подземного курорта* (---). Скорее бы заголубел *небесный свод*, *взошло подземное солнце*, зазеленели пальмы и бананы.» (Курсив наш – Ю.Р.) (Там же: 150).

В разделе о теории пространства мы также говорили о различии между пространством и местом. Согласно таким исследователям, как И-Фу Туан, при анализе пространства, также стоит обратить внимание на значение места и различие между местом и пространством. Именно согласно Туан, пространство становится местом, когда оно становится знакомым, или получает какую-то дефиницию (см. ст. 33).

На наш взгляд, подземный курорт в романе – также пример этого явления. Подземное действительно получает дефиницию, или точнее, разные дефиниции. Оно станет также знакомым с помощью человека, через строительство и трансформацию Арктики.

Но мы хотим ещё вернуться к вопросу о роли будущего. Ливерс говорит о примере московского метро и роли строителей. Согласно ему, метростроители должны были не победить не только природу, но и победить прошлое. Ливерс использует термин, «убить собственное «я»» для целей чуда (Livers 2009: 200). Если думаем об этом, на наш взгляд, через это явление в романе «Под небом Арктики» пространство становится местом. Через победу над природой, то есть, через убийство прошлого, возможно, создать подземный курорт – утопию.

Мы можем понимать подземный курорт также как пример воображаемой географии. Об этом явлении мы говорили, например на страницах 26 и 32. Арктика в романе – отличный пример воображаемой географии, и она также связана с тем, как пространство станет местом. Как Уиддис говорила, воображаемая география была также важным явлением в 30-е гг., и она была создана частично с помощью искусства, кино и литературы (Уиддис 2004: 46). Подземный курорт в романе – как бы гибридное место. Местом действия является Арктика, существующая в реальной мире, но именно этот подземный курорт является местом где-то между реальностью и утопией – примером воображаемой географии.

Делая вывод о символике и значении подземного в романе, можно сказать, что у него действительно есть много значений. Подземный курорт – пример изменения культуры во время Сталина, о чём Паперный также пишет. Можно сказать, что новое, утопическое пространство находится одновременно и на севере, и на юге. Новое и, можно сказать, святое пространство, находится не горизонтально на земле, а вертикально, но не в небе. На наш взгляд, утопической целью того времени была создать небо, рай для пролетариата. Небо было построена не на земле, а в глубине. Об этом Ливерс говорит как о синтезе рая и ада (Livers 2009: 194). О значении подземного (и в примерах московского метро и подземного курорта романа), можно думать также как о метафоре роста, роста нового советского будущего. Новое пространство – место, где раньше был ад.

Анализируя пространство в Советском Союзе, мы не можем забыть бинарную пару центр – периферия. Став частью массовой культуры 1930-х гг., Арктика таким образом была трансформирована из периферии в центр. Такая тенденция существует также в романе «Под небом Арктики», но в символическом смысле. Именно принося юг, тепло в Арктику, в этом романе

Арктику делают частью тёплого юга, частью Советского Союза. Периферия становится частью центра.

4. Заключение

Целью настоящего исследования являлось узнать, как советская Арктика была представлена в 1930-х годах, в вершине советского арктического мифа, и какую символику утопическая Арктика несет в себе. Можно сказать, что все вопросы исследования настоящей работы уходят своим корнями в сам роман нашего анализа, но у автора работы было большое стремление узнать больше о таком феномене, как советский арктический миф. Мы постарались разбирать роман и перестроить его снова, и мы полагаем, что эта задача была реализована успешно. Нам кажется, что с помощью широкого анализа и через наше стремление анализировать Арктику романа с разных точек зрения, нам удалось дать более полное представление об Арктике не только как объекте изображения в романе А. Беляева, но и в качестве характерного примера дискурса того времени.

По нашему мнению, роман «Под небом Арктики» был отличным выбором не только для обсуждения советского арктического мифа и эпохи 1930-х годов. Роман действительно содержал в себе отличные примеры дискурса того времени, и он также являлся хорошим объектом для обсуждения научно-фантастической литературы. В нашей аналитической части, большая роль отводилась анализу подземного, и нам кажется, что анализ символических значений подземного был тем фактором, через который нам удалось посмотреть на тему Арктики и ее исследований с новой перспективы. Другой важной целью нашей работы было показать значение Александра Беляева как заметного представителя жанра научной фантастики.

Значение подземного в романе – многостороннее, как было видно в нашей аналитической части, но можем ещё добавить, что, подземное пространство как отмечено нами выше, становится *местом* и самое главное, становится домом, своим, а не чужим местом. Подземный курорт является в романе также местом, где Арктика была нормализована. В романе Арктика стала, или можно сказать, была сделана, частью Советского Союза, как и в реальности, в 1930-х годах. Арктика в романе стала «обыкновенной», если воспользоваться названием советского романа (Обыкновенная Арктика» Бориса Горбатова).

В нашей работе у нас была возможность подходить к Арктике с разных, нам лично интересных, точек зрения, особенно с точки зрения истории, картографии и культурологии, или точнее, культурной семиотики. В начале настоящей работы, мы планировали подходить к

Арктике, представленной в романе, именно с точки зрения пространства, но, начав работу над аналитической частью, мы заметили, что культурно-семиотический подход был бы более логичным и подходящим для нашего анализа, поскольку роман содержит в себе так много символики, хотя пространственный подход и особенно литературная картография были действительно существенными частями в нашем анализе. Мы считаем, что все, обсуждаемые нами темы фоновой и теоретической частей, связаны друг с другом, и они разным образом открывают и делают ясной символику, значение и важность Арктики в советском дискурсе 1930-х годов. Мы старались во всех частях работы удерживать в центре нашего интереса Арктику и надеемся, что работа ясно демонстрирует и наш собственный интерес к этой теме.

Говоря об аналитической части, стоит также обратить внимание на то, что роман «Под небом Арктики» был анализирован через утопическую оптику. Для читателя XXI века роман может показаться наивным, и до какой-то степени он действительно является таковым. Но стоит ещё раз подчеркнуть, что утопия и утопическая литература существуют в мире, которого нет. Также действия в романе «Под небом Арктики» такие, которые в реальности, в принципе, не могут существовать. Но нам кажется, что арктическая утопия была живой в советской Арктике в 1930-х годах, хотя только в течении короткого времени. Такие исторические достижения, как полёты через Арктику в США и истории пароходов «Челюскин» и «Сибиряков» – доказательства этого. На наш взгляд, роман «Под небом Арктики» во многих случаях как бы движется в гибридной зоне, между реальными событиями и утопическими мечтами.

Говоря о символике Арктики, можно добавить, что Арктика в романе представлена маскулинно. Герои Арктики, как они представлены в нашей работе: лётчики, моряки, полярники-зимовщики – обычно мужчины, борющиеся с враждебными силами природы. Такая тенденция безусловно существует также в романе «Под небом Арктики», но здесь есть также различия. Например, один из ключевых персонажей – инженер Вера Колосова. Нам кажется, что, хотя женщин в романе немного, они примеры утопии равенства, характерной для того времени.

Нам кажется важным и то, что, если мы именем перспективу чтения романа и больше обратим внимание не на социалистическую утопию, а на тему природы в романе, то таким образом, утопический роман Беляева действительно станет романом-антиутопией с точки зрения XXI века. Через роман «Под небом Арктики» мы не только понимаем лучше советскую арктическую историю и арктический миф, но также можем узнать, куда современная российская арктическая политика и отношение к Арктике уходят своим корнями? Нам кажется, что риторика, связанная с Арктикой XXI века во многих случаях не отличается от риторики времен

арктического мифа. Между ними есть много общего, и на наш взгляд, именно дискурс борьбы с природой и цель завоевания Арктики для сырья, которые были также основными частями арктического мифа, повторяются и в арктическом дискурсе XXI века. Как в начале романа повествователь романа говорит, что Арктика – «это страна несметных и ещё почти не изведанных богатств». Эта цитата, по нашему мнению, могла бы также появляться в XXI веке в российском государственном дискурсе об Арктике.

Арктика как место действия в искусстве – действительно интересная тема и к ней можно подходить с разных точек зрения и разных направлений. Нам кажется, что в наши дни к Арктике подходят прежде всего с точки зрения политологии и экономики, но мы предполагаем, что с помощью гуманитарных наук можно понимать Арктику по-другому. и через культурологический или гуманитарный подход можно создать более широкое представление об Арктике.

Наша работа, можно сказать, является также как бы хорошей платформой для будущих исследований тем, связанных с советской или российской Арктикой. Такими могут являться, например, сравнение тематики Арктики 30-х гг. с тематикой XXI века более детально. Хотя наша фоновая и аналитическая части – широкие и подходят к Арктике с разных точек зрения, было бы также интересно продолжать исследование арктического мифа с помощью других примеров. Также Арктика как важная тема в массовой культуре появилась снова в 70-е годы XX века. Было бы интересно узнать, что случилось с Арктикой между 30-ми и 70-ми годами и также между 1970-ми 2010-ми годами. Для будущих исследований было бы также интересно узнать больше, например, о том, какие другие примеры картографии можем найти в 1930-х годах, связанные с Советской Арктикой?

Мы действительно научились многому в процессе написания этой работы, например, получили новые сведения об истории СССР 30-х годов, о теориях Юрия Лотмана и Московско-тартуской семиотической школы и о роли и важности карт в 1930-х годах. Безусловно, мы теперь не читаем романы научной фантастики как раньше, а обращаем внимание, например, на пространственность и роль будущего в текстах этого жанра. Но может быть, самое главным и интересным для нас было то, что мы научились лучше «читать» Россию и СССР через символы и постоянно ищем символическое значение разных вещей, связанных с Россией или СССР.

Всё-таки, мы видим и некоторые упущенные нами возможности. Мы не смогли обсуждать все черты, важные для того времени и Арктического мифа. Именно для исследования картографии роман «Под небом Арктики» – не самый хороший пример, хотя мы считаем, что литературная

карта, созданная нами в начале аналитической части была успешной и полезной. Также Арктика как пример воображаемой географии была бы интересным объектом исследования. Такие направления науки, например, как гуманитарная география или политическая география, также были бы интересными для изучения Советской Арктики.

На наш взгляд, именно в Арктике решается будущее человечества. Поэтому, нам кажется, что, чтобы понимать, что происходит сейчас в мире, нам надо понимать также прошлое. Можно сказать, что через нашу работу мы сами действительно понимаем настоящую российскую арктическую политику лучше, зная о её корнях почти столетней давности.

Список источников

Первичный источник:

Беляев, А. 2007 (1938). Под Небом Арктики. Электронная книга.

<https://play.google.com/store/books/details/Александр_Беляев_Под_небом_Арктики?id=odyWNWjB2ycC> [Просмотрен 26.5.2019]

Вторичные источники:

Джеймисон, Ф. 2006. Прогресс versus Утопия, или можем ли мы вообразить будущее? *Фантастическое кино. Эпизод первый: Сборник статей*. Ред. Самутина, Н. М: Новое литературное обозрение, с.32-49.

Лотман, Ю.1996. *Внутри мыслящих миров: человек-текст-семиосфера-история*. М: Языки русской культуры.

Паперный, В.1996. *Культура Два*. М.: Новое литературное обозрение.

Розенхольм, А. & Савкина, И. (ред.), 2015. *Топографии популярной культуры: Сборник статей*. М: Новое Литературное Обозрение.

Савкина, И. 2015. «Следующая станция – Площадь революции» (Топос метро в современной российской беллетристике). *Топографии популярной культуры: Сборник статей*. Ред. Розенхольм, А. & Савкина, И. М: Новое Литературное Обозрение, с.151-164.

Уиддис, Э. 2004. Россия как пространство. *Национальная идентичность в русской культуре*. Ред. Франклин, С & Уиддис, Э. М: Роспэн. с.44-65.

Barker, A.M. 1999. *Consuming Russia: popular culture, sex, and society since Gorbachev*. Duke University Press, Durham.

Boele, O. 1996. *The North In Russian Romantic Literature*. Rodopi Bv Editions, Amsterdam-Atlanta.

Bugaeva, L. 2015. "Here Will Be a Garden-city": Soviet Man On An Arctic Construction Site. *Films on ice: cinemas of the Arctic*. Ed.by Mac-Kenzie, S. & Stenport, A.W. Edinburgh University Press, Edinburgh, p. 310-324.

Clark, K. 2003, "Socialist Realism and the Sacralizing of Space". *The landscape of Stalinism: the art and ideology of Soviet space*. Ed.by Dobrenko, E.A. & Naiman, E. University of Washington Press, Seattle, p. 3-18.

Clark, K. 1981. *The Soviet novel: History as ritual*. Chicago: University of Chicago Press.

Dobrenko, E.A. & Naiman, E. (ed.) 2003. *The landscape of Stalinism: the art and ideology of Soviet space*. University of Washington Press, Seattle.

Geldern, J.v. & Stites, R. 1995. *Mass culture in Soviet Russia: tales, poems, songs, movies, plays and folklore 1917-1953*. Indiana University Press, Bloomington, Ind.

Hønneland, Geir 2016. *Russia and the Arctic: Environment, Identity and Foreign Policy*. I. B. Tauris & Company Limited, London and New York.

- Lefebvre, H. 1991. *The production of space*. Translation by Donald Nicholson-Smith. Blackwell, Oxford.
- Livers, K.A. 2009 (2004). Conquering the Underworld: The Spectacle of the Stalinist Metro. *Constructing the Stalinist body: fictional representations of corporeality in the Stalinist 1930s*. Lexington Books, Lanham, MD, p. 189-236.
- Löffler, C. 2018. From ashes to phoenix. A geocritical approach to teaching the literary landscapes of the eighteenth – century London. *Teaching space, place and literature*. Ed.by in Tally, R.T., Jr (ed.) Routledge, London, p. 111-120.
- McCannon, J. 2003, Tabula rasa in the North: The Soviet Arctic and mythic landscapes in Stalinist popular culture. *The landscape of Stalinism: the art and ideology of Soviet space*. Ed.by Dobrenko, E.A. & Naiman, E. University of Washington Press, Seattle, p. 241-260.
- McGuire, P.L. 1985. *Red stars: political aspects of Soviet science fiction*. UMI Research Press, Ann Arbor, Mich.
- Sarkisova, O. 2015. Arctic Travelogues: Conquering the Soviet North. *Films on ice: cinemas of the Arctic*. Ed.by MacKenzie, S. & Stenport, A.W. Edinburgh University Press, Edinburgh, 222-234.
- Stites, R. & American Council of Learned Societies 1991. *Revolutionary dreams: utopian vision and experimental life in the Russian Revolution*. Oxford University Press, New York.
- Tally, R.T., Jr (ed.) 2011. *Geocritical explorations: space, place, and mapping in literary and cultural studies*. Palgrave Macmillan, New York.
- Tally, R.T., Jr. 2011. Introduction. On Geocriticism. *Geocritical explorations: space, place, and mapping in literary and cultural studies*. Ed.by in Tally, R.T., Jr. Palgrave Macmillan, New York, p. 1-9
- Taylor, R. 2003. “But Eastward, Look, the Land Is Brighter. Toward a topography of utopia in the Stalinist musical”. *The landscape of Stalinism: the art and ideology of Soviet space*. Ed.by Dobrenko, E.A. & Naiman, E. University of Washington Press, Seattle, p. 201-215.
- Tuan, Y. 2001 (1977). *Space and place: the perspective of experience*, 8. pr. edn. University of Minnesota Press, Minneapolis.
- Weiner, D.R. 1988. *Models of nature: ecology, conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia*. University of Pittsburgh Press, Pittsburgh Pa.
- Westphal, B. & Ebook Library 2011. *Geocriticism: real and fictional space*. Palgrave Macmillan, Basingstoke.
- Westphal, B. 2011. Foreword. *Geocritical explorations: space, place, and mapping in literary and cultural studies*.” Ed.by Tally, R.T., Jr. Palgrave Macmillan, New York, p. IX-XVIII
- Widdis, E. 2003. To explore or to conquer? Mobile perspectives on the Soviet cultural revolution. *The landscape of Stalinism: the art and ideology of Soviet space*. Ed.by Dobrenko, E.A. & Naiman, E. University of Washington Press, Seattle, p. 219-240

Материалы, опубликованные в Интернете:

- Беляев, А.Р. Создадим советскую научную фантастику. «*Детская литература*», 1938, № 15-16. <http://www.fandom.ru/about_fan/belyaev_06.htm> [Просмотрен 30.3.2019]
- Бритиков, А.Ф. 1976. *Вступительная статья* (к сборнику А Беляева 'Фантастика'). <<https://www.rulit.me/books/vstupitelnaya-statya-k-sborniku-a-belyaeva-fantastika-read-320272-1.html>> [Просмотрен 26.1.2019]
- Бритиков, А.Ф. 2005а. *Отечественная научно-фантастическая литература (1917-1991 годы). Книга первая. Научная фантастика – особый род искусства*. Санкт-Петербург: Творческий центр "Борей-Арт". Электронная книга. <<https://www.rulit.me/author/britikov-anatolij-fedorovich/otechestvennaya-nauchno-fantasticheskaya-literatura-1917-1991-gody-kniga-pervaya-fantastika-osobyj-r-get-73968.html>> .
- Бритиков, А.Ф. 2005б. *Отечественная научно-фантастическая литература (1917-1991 годы). Книга вторая. Некоторые проблемы истории и теории жанра*. Санкт-Петербург: Творческий центр "Борей-Арт". Электронная книга. <<https://www.rulit.me/author/britikov-anatolij-fedorovich/otechestvennaya-nauchno-fantasticheskaya-literatura-1917-1991-gody-kniga-vtoraya-nekotorye-problemy--download-free-169998.html>> . [Просмотрен 10.3.2019]
- Бугаева, Л. 2018. Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение. *Звезда. Литературный и общественно-политический журнал*. <<https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/8/arkticheskij-mif-v-sovetskoj-kulture-1930-h-godov-i-ego-vozrozhdenie.html>> [Просмотрен 6.2.2019]
- Фесенко, Э. Я 2016. Арктический вектор в жизни героев русской прозы XX века. *Вестник Северного (Арктического) университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. <<https://elibrary.ru/item.asp?id=26643624>> [Просмотрен 26.1.2019]
- Франк, Сюзанна 2011. Теплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива. *Новое Литературное Обозрение* No 108. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/fr7.html>> [Просмотрен 26.1.2019]
- Ковтун, Е.Н. 2007. Фантастика как объект научного исследования: проблемы и перспективы отечественного фантаствоведения. *Русская фантастика на перекрестье эпох и культур: материалы Международной научной конференции 21-23 марта 2006 г. М.* Издательство Московского государственного университета Москва, с.20–38. <slavcenteur.ru/Proba/Kovtun/kovtun_fantobjekt.pdf> [Просмотрен 14.3.2019]
- Козлова, И.В. 2010. «Сталинские соколы»: Тоталитарная фразеология и «советский фольклор». Антропологический форум. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. <<https://elibrary.ru/item.asp?id=21630431>> [Просмотрен 8.2.2019]
- Орлова, Г. 2008. Советская картография в сталинскую эпоху: детская версия. *Неприкосновенный запас* 2008, 2(58). <<http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/or7.html>> [Просмотрен 27.6.2019]
- Штильмарк Ф.Р. 1992. Эволюция представлений об охране природы в советской литературе. Статья была опубликована на английском языке в журнале *Journal of the History of Biology*. Vol. 25. No. 3. 1992. , p. 429-447. <http://oopt.info/_publications/shtilmark_evolution.html> [Просмотрен 20.3.2019]

- Замятин, Е.И. 1922. *Генеалогическое дерево Уэллса*. Статья.
<http://orwell.ru/library/others/zamyatin/wells/r/rwls_3.htm> [Просмотрен 17.3.2019]
- Турков А.А. 2017. Челюскинская эпопея 1934 года как ключевой элемент Советской пропаганды освоения Арктики. *Вестник Рязанского государственного университета им. «С.А. Есенина»*. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. <<https://elibrary.ru/item.asp?id=29273625&>> [Просмотрен 10.2.2019]
- Alexander, N., 2017. Senses of Place. *The Routledge handbook of literature and space*. Ed.by Tally, R.T. Routledge. London, NY. < <http://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=4779346>> [Просмотрен 26.6.2019]
- Banerjee, A. 2012 ;2013. *We modern people: science fiction and the making of Russian modernity*. Wesleyan University Press, Middletown, CT. <<https://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=1068838>> [Просмотрен 15.3.2019]
- Bolotova, A. 2004. Colonization of Nature in the Soviet Union. State Ideology, Public Discourse, and the Experience of Geologists. *Historical Social Research* 29 (3): 104–123.
<<https://www.jstor.org/stable/20761978>> [Просмотрен 23.9.2019]
- Cresswell, T. 2004. *Place: A short introduction*. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishing.
<<https://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=1211898>> [Просмотрен 9.7.2019]
- Fletcher, L. 2016, *Popular fiction and spatiality: reading genre settings*. New York, NY.
<<https://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=4731240>> [Просмотрен 7.7.2019]
- Frank, S.K., 2010, City of the Sun on Ice: The Soviet (Counter-) Discourse of the Arctic in the 1930s. *Arctic Discourses*. Ed.by Ryall, A., Schimanski, J. & Waerp, H.H Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, p. 106-131.
<<https://libproxy.tuni.fi/login?url=http%3A%2F%2Fsearch.ebscohost.com%2Flogin.aspx%3Fdirect%3Dtrue%26scope%3Dsite%26db%3Dnlbk%26db%3Dnlbk%26AN%3D523986>> [Просмотрен 27.1.2019]
- Huttunen, T. 2005. Venäläisen kulttuurin semiotiikka: Keskusta ja periferia. *Venäläinen mosaiikki: johdatuksia venäläiseen kulttuuriin. Helsingin yliopiston Slavistiikan ja baltologian laitoksen ja Aleksanteri-instituutin verkko-opetusmateriaali venäläisen kulttuurin historiasta, nykyyhetkestä ja semiotiikasta* <<http://www.helsinki.fi/venaja/e-materiaali/mosaiikki/index.htm>> [Просмотрен 7.9.2019]
- Lappela, A., 2016. Vuoret ja kaupunki vastakohtaisina tiloina Alisa Ganijevan teoksissa. *AVAIN-Kirjallisuudentutkimuksen aikakauslehti*, (3), p.7-22. <<https://journal.fi/avain/article/view/66158>> [Просмотрен 27.6.2019]
- Lotman, M. 2017. History as geography: In search for Russian identity. *Sign Systems Studies* 45(3/4), p. 263–283<<http://www.sss.ut.ee/index.php/sss/article/view/SSS.2017.45.3-4.04/231>> [Просмотрен 7.9.2019]
- McCannon, John 1998. *Red Arctic: polar exploration and the myth of the north in the Soviet Union, 1932-1939*. Oxford University Press. Oxford, New York. <<https://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=241508>> [Просмотрен 27.1.2019]

- McCannon, J. 1997. Positive Heroes at the Pole: Celebrity Status, Socialist-Realist Ideals and the Soviet Myth of the Arctic, 1932-39. *The Russian Review*, vol. 56, no. 3, p. 346-365. <<https://www.jstor.org/stable/131748>> [Просмотрен 27.1.2019]
- Penskaja, E. 2015. Arctic narrative semantics in Soviet History, Fiction and Art of the 1930s., *Enthymema*, no. 13, pp. 167-183. <<https://doaj.org/article/f4d8b2d5188a40e4a45bcf27743b5961>> [Просмотрен 18.3.2019]
- Pesonen, P. 2005. Itä vai länsi? Venäläisen kulttuurin kohtalonkysymykset. *Venäläinen mosaiikki: johdatuksia venäläiseen kulttuuriin. Helsingin yliopiston Slavistiikan ja baltologian laitoksen ja Aleksanteri-instituutin verkko-opetusmateriaali venäläisen kulttuurin historiasta, nykyhetkestä ja seimiitiikasta* <<http://www.helsinki.fi/venaja/e-materiaali/mosaiikki/index.htm>> [Просмотрен 7.9.2019]
- Piatti, B., Bär, H.R., Reuschel, A.K., Hurni, L. and Cartwright, W., 2009. Mapping literature: Towards a geography of fiction. *Cartography and art* Springer, Berlin, Heidelberg, p. 1-16. <https://www.researchgate.net/publication/226551840_Mapping_Literature_Towards_a_Geography_of_Fiction> [Просмотрен 25.6.2019]
- Ridanpää, J. 2017. Imaginative Regions. *The Routledge handbook of literature and space*. Ed.by Tally, R.T. Routledge. London, NY. <<http://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=4779346>> [Просмотрен 26.6.2019]
- Riquet, J. & Kollmann, E. 2018 (ed.). *Spatial modernities: geography, narrative, imaginaries*, Routledge, New York. <<https://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=5425386>> [Просмотрен 26.6.2019]
- Ryall, A., Schimanski, J. & Waerp, H. H. 2010. *Arctic Discourses*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. <<https://libproxy.tuni.fi/login?url=http%3A%2F%2Fsearch.ebscohost.com%2Flogin.aspx%3Fdir%3Dtrue%26scope%3Dsite%26db%3Dnlebk%26db%3Dnlabk%26AN%3D523986>> [Просмотрен 27.1.2019]
- Schwartz, Matthias 2013. How nauchnaia fantastika was made: The debates about the genre of science fiction from NEP to high Stalinism. *Slavic Review*. 72(2), p. 224-246. <<https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/how-nauchnaia-fantastika-was-made-the-debates-about-the-genre-of-science-fiction-from-nep-to-high-stalinism/E30EE4A139E9FB8A649C4A1412FE62F0>>. [Просмотрен 25.1.2019]
- Suvín, D. 1971. The Utopian Tradition of Russian Science Fiction. *The Modern Language Review*. Vol. 66, No. 1 (Jan., 1971), p. 139-159. Modern Humanities Research Association. <<https://www.jstor.org/stable/3722475>>. [Просмотрен 6.3.2019]
- Tally, R. T., Jr. 2017 (ed.). *The Routledge handbook of literature and space*. London, NY: Routledge. <<http://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=4779346>> [Просмотрен 26.6.2019]
- Tally, R. T., Jr. 2013. *Spatiality*. Routledge, London. <<https://ebookcentral.proquest.com/lib/tampere/detail.action?docID=1075186>> [Просмотрен 6.3.2019]
- Youngs, T., 2010. The conquest of the Arctic: the 1937 Soviet expedition. *Arctic Discourses*. Ed.by Ryall, A., Schimanski, J. & Waerp, H.H. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, p. 132-150. <<https://libproxy.tuni.fi/login?url=http%3A%2F%2Fsearch.ebscohost.com%2Flogin.aspx%3Fdir%3Dtrue%26scope%3Dsite%26db%3Dnlebk%26db%3Dnlabk%26AN%3D523986>> [Просмотрен 6.2.2019]

Энциклопедии:

Большой словарь афоризмов, крылатых слов и выражений. Буква Н: *Нет в мире таких крепостей, которых большевики не могли бы взять.* <

<http://www.bibliotekar.ru/encSlov/13/203.htm>> [Просмотрен 30.3.2019]

Краткая литературная энциклопедия. Ключевое слово: *Александр Беляев.* <<http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-5343.htm>>. [Просмотрен 26.1.2019]

Краткая литературная энциклопедия. Ключевое слово: *Научная фантастика.* <<http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke5/ke5-1402.htm>>. [Просмотрен 20.3.2019]

Краткая литературная энциклопедия. Ключевое слово: *Социалистический реализм* <<http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke7/ke7-0923.htm>>. [Просмотрен 1.10.2019]

Краткая литературная энциклопедия. Ключевое слово: *Томмазо Кампанелла* <<http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke3/ke3-3501.htm>><. [Просмотрен 26.1.2019]

Лаборатория фантастики. Fantlab.ru. Ключевое слово: *Александр Беляев.* <<https://fantlab.ru/autor14>>. [Просмотрен 26.2.2019].

Литературная Энциклопедия терминов и понятий 2001.

<http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Literaturnaya_entciklopediya_terminov_i_ponyatij._2001.pdf> [Просмотрен 26.1.2019]

Словари и энциклопедии на Академике. Ключевое слово: *Научная фантастика.*

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5194/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F> [Просмотрен 20.3.2019]

Словари и энциклопедии на Академике. Ключевое слово: *Социалистический реализм.*

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/3045/Социалистический> [Просмотрен 8.9.2019]